Реквием

Автор:
Александра Маринина

Реквием

Александра Маринина

Каменская #19

В Москве при таинственных обстоятельствах погибает молодой милиционер. Его подружка Лера носит на руке дорогое кольцо с бриллиантом, похищенное когда-то при убийстве жены крупного чиновника. Живет Лера с дедом-уголовником, много лет назад убившим родителей девушки и сделавшим ее сиротой. Такой клубок загадок приходится распутывать Насте Каменской и ее коллегам из уголовного розыска.

Александра Маринина

Реквием

Реквием по Карабасу Барабасу

Какие только сферы жизни не были затронуты за годы существования феномена Марининой этой писательницей! Причем – творческой жизни. Тут и ученые, и писатели, и психологи-гипнотизеры, и кинорежиссеры с актрисами, и музыканты с композиторами… Наконец у нее дошли руки до области, традиционно считающейся самой криминальной после политики, – до шоу-бизнеса. Поле непаханое. Пожалуй, достаточно почитать какие-нибудь хроники «Московского комсомольца», чтобы получить толчок для развития сюжета. Но Маринина не

схватилась за лежащие на поверхности нашей памяти убийства продюсера или певца, таинственную смерть рок-идола или прыжок к звездам лидера популярной группы. В ее творчестве, как всегда, сведения, так или иначе известные многим, сложились в историю, которой еще не было. Узнаваемые детали и события из реальной жизни – только нити, вплетающиеся в выдуманный сюжет. Как пишут обычно в титрах фильма, «все совпадения случайны»…

Несмотря на новую тему, развивается детектив вполне по марининским законам. Следствие начинается с трупа, который оказывается лишь очень мелким звеном в цепи интереснейших и нетривиальных событий. Как всегда, разные преступления, причем разнесенные в причинах, в пространстве и времени, по ходу книги выстраиваются в мозгу Каменской в стройную картинку-пазл, и на последних страницах наконец все узелки завязаны, виновные наказаны. По ходу расследования мы погружаемся в тайны мира шоу-бизнеса, выясняем таинственное влияние свастики на человека, узнаем о магнитных полях и черпаем множество интересных сведений о человеке вообще. Первоначальная задача Насти Каменской – провести анализ криминальной пораженности вузов МВД, но, как всегда, случайно занявшись задачкой вычисления убийцы милиционера и распутывающимся вслед за этим клубком с порнухой, наркотиками, сбором компроматов на больших людей и прочим, она так и не заканчивает работу. Нитей много, все очень увлекательно. Но сказать, что повороты сюжета непредсказуемы, к сожалению, нельзя. Уже на первом десятке страниц любящий романы Марининой читатель легко сможет назвать имя того человека, которого ищут мудрая Настя Каменская и ее друзья с Петровки, и даже предположить, зачем он ввязался в грязные игры. Почему же читатель столь проницателен? Да потому, что в качестве главной линии повествования писательница отрабатывает коллизию, по которой ею уже были построены несколько романов. Назовем это «проблема злого гения». Одаренный творец, обделенный как личность – обществом, близкими людьми или же природой, начинает совершать преступления. Маринина постоянно пытается создать не пошлый детектив «он убил – его убили», а подняться до неких вечных вопросов. В новом романе два антагониста – Каменская и продюсер популярного певца Вячеслав Зотов – решают для себя примерно один и тот же вопрос. Каменская ставит его так: «Кто ее придумал, нормальность эту? Норма – это наиболее распространенная характеристика, то, что распространено меньше, считается не нормой… но кто сказал, что «не норма» – это плохо?» Если для Каменской это лишь привычная попытка анализировать все, в том числе устройство мира, то для Зотова вопрос о том, что норма, а что – патология, становится главным вопросом жизни: «Отсутствие дарования воспринимается как данность, как цвет

волос или глаз, а вот отсутствие ума – как дефект. Почему? Неправильно это, потому что все от природы, и талант, и интеллект». Зотов, как Пигмалион, лепит из одаренного чудным голосом, но глупого и аморального мальчика гениального певца, пытаясь таким образом восполнить свою обделенность талантом и его, мальчика, обделенность разумом. Зотов – певец, он хотел бы «жечь сердца людей» своим голосом, но «природа», дав голос и желание, не дала способности донести песню до слушателей. Трагедия бездарности приводит к трагедии нескольких жизней, а значит, как говорят протоколы, к наличию нескольких трупов. Маринина хочет, чтобы мы считали, что разыгрывается старая сказка «о сложных отношениях, которые могут связывать человека достойного, но всего лишь одаренного, и человека гениального, но пустого и ничтожного». Подтверждением этой красивой истории становится даже фильм «Амадеус» на полке у героя (находка кассеты – тоже прием не новый, вспомним «Посмертный образ»!). Марининой очень хочется взойти к неким архетипам: «Моцарт убивает Сальери». Не выходит. Зотовым движет не зависть (как Сальери), более того, он прощает своему питомцу все, лишь бы тот продолжал петь, творить. Это какой-то родительский комплекс компенсации. Скорее, трагедия Пигмалиона или же Карабаса Барабаса, тирана и деспота, но воспитавшего своих кукол артистами, а получившего в ответ бунт.

Маринина так увлекается глобальной теорией, что остальные линии получаются слабоватыми. Главный вопрос, мучивший Настю на протяжении всей книги – почему много лет назад было совершено убийство семьи известного композитора, – решается психологически не очень достоверно. Впрочем, сама Маринина понимает нелогичность объяснения поступков убийцы. Недоумение, почему убийца поступил так странно, Маринина вкладывает в уста одного из оперативников. Каменская дает объяснение на уровне детской загадки про селедку: «Моя вещь, куда хочу, туда и ставлю», – «Он так решил, как решил». Вот это логично.

Впрочем, интереснее всего и, я бы сказала, жизненнее всего в романах Марининой бывают страницы, никак не увязанные с главным ходом повествования. Это тоже визитная карточка ее романов: в них всегда, кроме «задачек» Каменской, бывают какие-нибудь маленькие заметки, интересные сами по себе. В этот раз задачку задает Насте ее племянница Лариса. В длинном монологе девушки, впервые оказавшейся в Москве, есть все: и оценка москвичей как отдельной касты («Вы чужие. Вы все чужие друг другу. И неправильные»), и описание Москвы глазами провинциала – Москвы нищих и лженищих, Москвы, безразличной к жителям, города, где люди не видят «себя… и других людей рядом с собой». В монологе Ларисы встает психологический портрет восприятия

современной России ее гражданином. Жалкая, безработная, грязная и безденежная провинция, где жить трудно и почти невозможно, противостоит Москве, находящейся где-то далеко и совсем в другом мире. Москва в сознании людей с окраин – почти рай, Земля обетованная, «место, где все хорошо». И вот – подлость крушения сказки! Оказывается, что «вся ваша Москва – один сплошной обман… Это не город и не люди в нем, это иллюзия какой-то жизни». Слова не новы, они почти трюизмы, но страстный, максималистский монолог девушки почему-то трогает. Настя, покачав головой, в целом соглашается с Ларисой. Может, действительно легче жить в провинции без денег и работы, но с людьми, чем вступать в диалог с жутким городом, где девочки спекулируют на смерти родителей, родители торгуют детским порно, дед убивает отца, воспитанник – воспитателя… Медный Всадник – бедного Евгения, гуляка Моцарт – пунктуального Сальери, глупый Арлекин – злого Карабаса Барабаса… Что же, вековые традиции русской литературы нашли свое продолжение. Requiem aeternam dona eis, Domine[1 - Даруй им, Господи, вечный покой.].

Ольга ВАСИЛЬЕВА

Ex libris «НГ», 1998

Глава 1

Он выглядел недовольным и усталым, но за маской брюзгливой утомленности на красивом молодом лице Барсуков ясно видел с трудом сдерживаемый страх и мучительное напряжение. Сомнений не было, ему только что снова звонили.

– Что еще? Зачем ты вернулся?

– Я хотел спросить, какой у вас номер телефона. Не городского, а сотового. – Барсуков кивком головы указал на лежащую на столике возле дивана трубку.

– Зачем тебе?

– Да вы не бойтесь, я не буду вас разорять и звонить по такой дорогой связи. Если нужно, позвоню по городскому. Просто скажите мне номер.

Барсуков старался говорить непринужденно, чтобы лишний раз не встревожить собеседника. Эти артисты такие нежные, что уж и слова им сказать нельзя. Очень болезненно на все реагируют.

Он даже не стал записывать номер телефона, просто запомнил, это было несложно. Совсем несложно, потому что именно этот номер он твердил про себя, пока шел, да нет, не шел – почти бежал через темный, окутанный зимними сумерками поселок к большому загородному дому знаменитого певца.

Барсуков услышал шаги на крыльце, хлопнула дверь.

– Это я! – раздался из холла громкий мужской голос.

– Ну давай отваливай, – негромко и раздраженно проговорил хозяин дома. – Видишь, ко мне пришли. Иди, иди.

* * *

Настя Каменская никак не могла привыкнуть к тому, что ездит на работу теперь не на Петровку, а совсем в другое место. Вот уже три месяца она выходит из метро не на «Чеховской», а на другой станции и идет не к большому желтому зданию Главного управления внутренних дел Москвы, а к обшарпанному светло-зеленому трехэтажному особнячку. Теперь ее кабинет здесь. И начальник у нее другой. Нельзя сказать, что новый начальник хуже любимого и привычного Колобка-Гордеева. Он не хуже. Просто он – другой. Давно и хорошо знакомый, отличный профессионал, безусловно, честный и порядочный человек, прекрасно относящийся к Насте, но… Он не Гордеев.

Настя изо всех сил старалась свыкнуться с переменами. Она не была уверена, что поступила правильно, сменив место службы, но на этом настаивали оба начальника, и прежний, Виктор Алексеевич Гордеев, и новый, Иван Алексеевич Заточный. Заточный хотел получить в свою только что созданную информационно-аналитическую службу хорошего толкового работника, а Гордеев, в свою очередь, стремился отослать Анастасию подальше от

назревавших крутых кадровых перестановок в городском управлении. И оба они в один голос твердили о том, что ей надо получать звание подполковника, поэтому следует перейти на должность, которая даст ей эту возможность. А вернуться на Петровку она всегда сможет, было бы желание.

За три месяца она так и не смогла привыкнуть к тому, что сейф теперь стоит не слева, рядом с рабочим столом, а у противоположной стены, да и вскипятить воду для кофе, не вставая с места, никак не удается, ибо розетка находится не в стене прямо за спиной, а возле окна. Что ж, может, это и к лучшему, при ее сидячем образе жизни лишние телодвижения не помешают.

Было уже около десяти утра, и Настя как раз собиралась вскипятить воду, чтобы выпить вторую за рабочее утро чашку кофе, когда ее вызвал к себе Заточный. Кроме генерала, в кабинете находился молодой мужчина в форме с погонами капитана внутренней службы.

– Знакомьтесь, – сухо произнес Иван Алексеевич. – Это наш новый сотрудник Павел Михайлович Дюжин. Анастасия Павловна Каменская – наш лучший аналитик. Она будет вашим наставником в течение первого года работы. Вы свободны, Павел Михайлович. Обживайте пока свое новое рабочее место, Анастасия Павловна вас позовет, когда освободится.

На лице у капитана было написано легкое недоумение, но он дисциплинированно встал и вышел из кабинета. Заточный некоторое время смотрел на закрывшуюся дверь, потом перевел взгляд на Настю. Сухость и сдержанность на его лице растаяли, теперь оно было обычным, но несколько озабоченным.

– Получайте своего первого ученика, – улыбнулся генерал. – Я свои обещания выполняю. Как только подготовите мне двоих приличных аналитиков, можете уходить куда захотите, если у меня не понравится.

– Откуда он пришел? – спросила Настя. – И вообще, что он умеет?

– Ну, о том, что он умеет, – это вы мне через пару дней сами расскажете. А пришел он из отдела кадров ГУВД Московской области. Устраивает?

– Вполне, – облегченно кивнула она. – У кадровиков обычно бывают неплохие навыки работы с документами без личного знакомства с человеком. Они умеют читать бумажки не только по строчкам, но и между строк. Я могу идти?

– Нет, – резко ответил Заточный и указал ей на стул. – Сядьте, Анастасия. Я хочу предложить вам материал, на котором вы будете учить Дюжина работать. Предупреждаю заранее, материал может оказаться «пустышкой», так что не старайтесь во что бы то ни стало вытянуть из него интересующий нас криминал. Я хочу сказать, что криминал там, безусловно, есть, поскольку есть труп, но он может оказаться не по нашей части. И еще одно. Я хочу попросить вас быть особенно внимательной и аккуратной, потому что это может коснуться моего сына.

Настя удивленно вскинула глаза на начальника.

– Максима? Он имеет к трупу какое-то отношение?

– Самое непосредственное. Они с убитым были если не друзьями, то добрыми приятелями, учились на одном курсе и в одной группе. И именно Максим на днях прибежал домой весь белый от ужаса. Начальник курса объявил им, что их товарища, Сашу Барсукова, нашли убитым.

– И вы подозреваете, что Максим знал о преступных связях друга и даже сам был замешан?

– Я ничего не подозреваю! – Голос Заточного снова стал сухим и жестким. – У меня нет оснований для каких бы то ни было подозрений. Но и оснований быть благодушным у меня тоже нет. С каждым из нас может случиться все, что угодно. И с нашими детьми тоже. Я слишком много времени и внимания уделял и уделяю службе и не могу быть уверенным, что знаю своего сына как облупленного. Ему уже скоро девятнадцать, это взрослый мужчина, у которого своя жизнь. И тот факт, что для меня он продолжает оставаться ребенком, не может повлиять на объективную реальность. Хватит об этом, Анастасия. Вернемся к делу. Со слов сына я знаю, что Саша Барсуков ухаживал за девушкой, которая много лет назад потеряла родителей и теперь живет вместе с дедом. Ситуация достаточно острая, поскольку десять лет назад родители девушки были убиты, и убиты не кем-нибудь, а именно этим самым дедом, который отсидел срок и вернулся к внучке. Могу высказать предположение, что

Барсуков попал под влияние деда-уголовника. Это первое. Я запросил из архивов материалы на него.

Генерал легко поднялся из-за стола, открыл сейф и положил перед Настей две пухлые папки. Глядя на него, Настя снова ощутила едва заметный укол того, что принято называть белой завистью. Она не сумела бы встать с такой легкостью и вообще двигалась, как правило, тяжело и неуклюже, несмотря на относительную молодость (всего-то тридцать семь) и почти болезненную худобу. Спортом она, в отличие от Заточного, никогда не занималась, а тут еще и спина побаливает, и одышка…

– Вот, ознакомьтесь с ними. В одной папке материалы уголовного дела, в другой – личное дело осужденного Немчинова. Не буду вам говорить, что и как смотреть в этих материалах, вы лучше меня все знаете. Теперь второе. У вас хорошая память, и я полагаю, вы не забыли дело Сергея Градова, осень девяносто третьего года.

– Я помню, – удивленно произнесла Настя. – Но я не думала, что вы об этом деле знаете.

– Мы в то время не были с вами знакомы, но тогда я как раз впервые о вас услышал. Я не мог не знать об этом деле, потому что Градов, как вам известно, был депутатом и имел хорошие шансы стать крупным политиком. Но дело не в нем. Вы помните мальчишку, которого тогда взяли к вам на стажировку?

– Конечно, – кивнула она, понимая наконец, о чем хочет ее предупредить генерал. – Парень учился в Московском юридическом институте МВД, там же, где и ваш сын. И мы тогда смогли установить, что он с самого начала, еще до поступления в институт, был завербован криминальной структурой и направлен на учебу в наш ведомственный вуз, чтобы иметь в милицейских рядах свои уши и руки. Вы полагаете, что этот случай мог оказаться не единственным?

– Я не могу не учитывать такую возможность. Принимая во внимание должность, которую я занимаю, надо иметь в виду, что мой сын Максим может оказаться лакомым кусочком для заинтересованных лиц. И если его товарищ по учебе оказывается связанным с уголовниками, я не могу закрыть на все глаза и считать, что мой мальчик живет в башне из слоновой кости и сохраняет чистоту и невинность помыслов, тогда как все остальные слушатели института ходят по

бренной земле. Глупости, жадности, предательства и грязи всюду достаточно, и нельзя рассчитывать на то, что твоих близких они не коснутся. Все равны, и все под одним богом ходим. У вас есть ко мне вопросы?

– Есть. Я уже не оперативник, у меня нет полномочий заниматься этим делом. Как мы с вами будем выходить из положения?

– Вы не будете заниматься раскрытием убийства Барсукова. Вы будете анализировать материалы на предмет выявления связей между слушателями института и криминальными структурами. Впрочем, речь может идти не только о слушателях, но и о сотрудниках. Преподаватели, курсовые офицеры, кадровики и так далее. И не только в этом институте, но и в других вузах МВД, их много.

Настя поморщилась. Легко сказать: вы будете делать то-то и то-то, а другие будут делать что-то другое. Как тут делиться-то? Если убийство рядового милиции Александра Барсукова связано с проникновением мафии в институт, то границу между интересами разных служб не проведешь. Следователь и оперативники быстро поставят на место какую-то там Каменскую, которая сует нос не в свое дело и без толку путается под ногами. Заточный должен был бы это понимать, а не давать ей задание с такой легкостью, словно в киоск за сигаретами посылал.

Ее кислая мина не укрылась от Ивана Алексеевича, который внезапно улыбнулся, впервые за сегодняшнее утро, своей знаменитой улыбкой, когда глаза его превращались в два маленьких солнышка и обогревали собеседника неожиданным теплом, сопротивляться которому мало кому удавалось.

– В виде компенсации могу вам сообщить приятное известие. Следствие по делу об убийстве Барсукова поручено вашему знакомому Ольшанскому, а из оперативников будут работать ваши бывшие коллеги. Надеюсь, с ними-то вы сможете договориться.

Ну что ж, подумала Настя, это совсем другое дело. С Костей Ольшанским проблем не будет, если не нарушать правила игры, а про ребят и говорить нечего.

Она взяла со стола папки и уже открыла дверь кабинета, собираясь выйти, но ее остановил насмешливый голос Заточного:

– А Максим?

– Что – Максим? – недоуменно обернулась она.

– Вы не хотите с ним поговорить?

– Хочу. Но мне неловко просить об этом. Его, наверное, уже и так на Петровке задергали. А вы сами просили быть деликатной…

Иван Алексеевич рассмеялся, правда, Насте показалось, что смех был не очень-то веселым.

– Анастасия, я знаю вас достаточно давно, чтобы понимать: вам никогда не бывает неловко, если речь идет о деле. Не морочьте мне голову. Когда вам нужен Максим?

– Я хочу сначала посмотреть материалы, – осторожно ответила она.

– Хорошо. Он учится во вторую смену, с двенадцати до семи. К восьми вечера он будет здесь.

Настя отправилась к себе, с трудом удерживая норовящие выскользнуть из рук папки и с удивлением думая о том, почему это она так спокойно позволяет Заточному распоряжаться ее временем. Он уже решил, что разговор с Максимом у нее должен состояться сегодня в восемь вечера, и никакому обсуждению это не подлежало. Он не спросил, какие у нее планы, чем она собирается заниматься и вообще будет ли она в восемь часов на работе. Просто решил – и все. Гордеев таким не был. Ничего не попишешь, у каждого начальника свой стиль. А Иван Алексеевич Заточный вообще обладал какой-то непонятной властью над ней. Настя могла сердиться на него, обижаться, даже порой ненавидела, но не могла сопротивляться его обаянию и хоть в чем-то отказать.

Разложив папки на столе в своем кабинете, она довела до конца прерванное занятие по приготовлению кофе и уселась за документы с чашкой в руках. Уголовное дело об убийстве супругов Немчиновых в 1987 году было совсем незамысловатым. Типичное бытовое убийство, каких тысячи. Вместе пьянствовали на даче, разгорелась ссора, и Немчинов-старший с пьяных глаз

застрелил из охотничьего ружья сына и невестку. Испугавшись содеянного и желая скрыть следы, поджег дом и отправился на электричку, чтобы вернуться в город. Вероятно, поезда ходили с большими перерывами, ему пришлось долго ждать на платформе. За это время соседи, слышавшие звуки выстрелов и увидевшие, что из дома валит дым, вызвали милицию, и Василий Петрович Немчинов, 1931 года рождения, был задержан все на той же платформе, где он терпеливо ожидал поезда на Москву. Вину свою признал сразу и в ходе следствия и судебного разбирательства показаний ни разу не менял. Осужден по статье 102 за умышленное убийство с отягчающими обстоятельствами (убийство двух и более лиц), получил двенадцать лет лишения свободы с отбыванием в колонии усиленного режима, через девять лет освободился досрочно, поскольку «честным и добросовестным трудом и соблюдением правил внутреннего распорядка доказал свое исправление». Вот, собственно, и все.

Ничего интересного в уголовном деле не было, но что-то показалось Насте смутно… Нет, не знакомым, а каким-то несуразным, что ли. Может быть, именно из-за той простоты, от которой она давно уже отвыкла, эта маленькая несуразность просто выпирала из материалов и резала глаза. Но в чем она? Где? На какой странице? Ничего, кроме внутреннего ощущения.

Она знала, что в таких случаях надо отвлечься, заняться чем-то другим, а потом снова прочитать дело. Что ж, посмотрим пока личное дело осужденного Немчинова В. П. Во время пребывания в следственном изоляторе избил сокамерника. Это плохо. Но потом выяснилось, что этот многократно судимый сокамерник глумился и издевался над двадцатилетним парнишкой, хилым и хрупким, так что избил его Немчинов, строго говоря, за дело. Это уже хорошо. По закону вообще-то не полагается содержать в одной камере бывалых сидельцев и ранее несудимых, но кто их соблюдает-то, правила эти? В какой камере есть место, туда и сажают. Многие изоляторы находятся в бедственном положении, здания давно не ремонтировались, камеры в аварийном состоянии, потолки протекают, канализация не работает, тут уж не до жиру. То есть не до закона.

Так, что еще? В период отбывания наказания показал себя исключительно с положительной стороны. В деле сплошные благодарности за перевыполнение норм выработки… Ан нет, и в штрафном изоляторе побывал Василий Петрович на шестом году отсидки, аж на целых тридцать суток загремел. И за что же? Да опять все за то же, избил осужденного. А вот и объяснение самого Немчинова: «Я признаю, что избил осужденного Фиалкова сегодня днем в цехе № 2. Фиалков

систематически унижал недавно поступившего осужденного Грекова, отбирал у него продукты, применял физическое насилие и угрожал принудительным гомосексуальным контактом. Осужденный Греков является физически неразвитым и постоять за себя не может. Вину признаю. Осужденный Немчинов В. П., статья 102, срок 12 лет».

Очень любопытная бумажка. Мотив все тот же – защита слабого, который не может постоять за себя. Но стиль! Абсолютное большинство осужденных написали бы: «отбирал пайку и угрожал опустить». Или «опетушить». Но Василий Петрович написал свое объяснение нормальным русским языком, без употребления жаргона и без единой грамматической ошибки. Что это? Поза? Или к нему действительно за пять лет пребывания на зоне не прилипла специфическая субкультура зеков?

Странно это все как-то. Непростой, видать, дед этот Немчинов. С одной стороны, пьяная ссора и убийство сына и невестки, с другой – применение насилия в защиту слабых, а с третьей – добросовестный труд и грамотная письменная речь. Такой тип может оказаться очень умным и опасным. Может быть, он действительно за девять лет пребывания на зоне оброс крепкими связями с преступным миром, а теперь, находясь на свободе, втягивает в свои сети молоденьких милиционеров вроде Саши Барсукова?

За работой время летело незаметно, и, когда Настя закрыла вторую папку, оказалось, что уже почти четыре. Надо бы поесть, но что? И где? На Петровке хоть столовая была и буфет круглосуточно работал, а в этом особнячке пока ничего нет, кроме служебных кабинетов. Сотрудники либо приносят из дома бутерброды, либо ходят в ближайшее кафе. В кафе, конечно, кормят вкусно и за вполне разумные деньги, но ведь туда идти надо. А перед этим еще и одеваться… Насколько Анастасия Каменская была неутомима в работе, если ее можно было делать, не вставая из-за письменного стола, настолько ленивой она была, когда дело касалось даже простейших физических усилий. Ей проще было сидеть голодной, нежели надевать сапоги, теплую куртку, спускаться по лестнице и шлепать по скользкому тротуару целых триста метров до места, где дают поесть. И если бы она могла рассчитывать на то, что сумеет уйти с работы в шесть вечера, она бы, конечно, предпочла поголодать и потерпеть до дома, но поскольку теперь уже ясно, что раньше девяти она отсюда не выберется, то все-таки придется сделать над собой усилие и выйти на улицу. И почему она, балда несуразная, не взяла утром с собой бутерброды? Ведь собиралась, она точно это помнила, да и муж несколько раз напоминал ей, даже выложил из холодильника

сыр и ветчину. А она в очередной раз поленилась.

Горестно вздыхая, Настя натянула сапоги, обмотала шею длинным теплым шарфом, застегнула куртку, сползла с третьего этажа и вышла на улицу. Легкие мгновенно наполнились вкусным морозным воздухом, от ослепительного солнца на глазах выступили слезы. В этом году зима вела себя правильно, в строгом соответствии с календарем. До конца ноября стояла холодная сырая осень, а первого декабря к вечеру ударил мороз. Сегодня же, второго декабря, на улице сверкал снег и сияло солнце. Если бы еще не было так скользко, то жизнь могла бы показаться майору милиции Анастасии Каменской более чем удовлетворительной.

Осторожно передвигая ноги, чтобы не поскользнуться, она медленно дошла до кафе со странным названием «Жажда», которое больше подошло бы павильону «Вино–воды» из давних советских времен. Уже взявшись за ручку двери, Настя внезапно передумала, прошла еще несколько метров до станции метро «Красносельская», купила журнал и блок сигарет и только после этого вернулась в «Жажду». Дождавшись, когда официант поставит перед ней на столе овощной салат и тарелку с солидной порцией жареного картофеля, она раскрыла журнал и углубилась в чтение статьи о прелестях зимнего катания на лыжах в Альпах. Для нее это было все равно что читать о жизни на Марсе, ибо на лыжах она не каталась никогда и в Альпы ехать не собиралась, а звучные названия различных марок горнолыжного оборудования не говорили ей ровным счетом ничего. Зато такое чтение не будило в ней мысли, поскольку не вызывало никаких ассоциаций, и давало возможность просто отвлечься от всего и абстрактно поскладывать буковки. За это время, как она заметила, у нее «прочищались мозги», после чего ей частенько удавалось взглянуть на старую проблему под новым углом зрения.

Она уже почти доела картофель и дочитала статью, когда перед ее глазами на столе появилась новая тарелка, с шашлыком. Недовольно подняв глаза, она успела мысленно нелестно отозваться о придурках, которые ухитряются подсаживаться за занятые столы при наличии массы свободных мест, но тут же радостно улыбнулась. Перед ней с веселой усмешкой на круглом лице восседал Юра Коротков.

– Как ты меня нашел?

– Велика задача! – фыркнул он, тут же утащив с ее тарелки несколько ломтиков картофеля. – Пришел, толкнул дверь, убедился, что она заперта, дошел до Ивана и спросил, где ты. Дальше все понятно. Я уже пятнадцать минут сижу за соседним столом и жду, когда же ты меня наконец заметишь. Но от тебя, как известно, внимания к окружающим не дождешься. А картошечка у них славная, надо и мне взять порцию.

– Хочешь? – Настя пододвинула ему свою тарелку. – Бери, мне уже многовато, я явно пожадничала.

Коротков отодвинул тарелку обратно к Насте и покачал головой.

– Ешь, худоба, на тебя же без слез не взглянешь.

– Неправда, – возразила она, – с тех пор как я ушла к Ивану, я прибавила два килограмма.

– Что, жизнь спокойная?

– Ну… в общем, да, если сравнивать с Петровкой.

– Скучаешь?

– Не знаю, Юрик, – честно призналась она. – И да, и нет. Привыкнуть не могу, что все кругом другое, и люди другие, и вас рядом нет. Но работа интересная, я ее люблю и умею делать, а главное – я делаю ее не подпольно, как у Колобка, а официально, за это мне зарплату платят и никто косо не смотрит. Морально легче, конечно.

– И через три месяца подполковником станешь, меня обгонишь, – добавил Коротков. – Ладно, мать, не будем о грустном. Я же к тебе по делу приехал.

– Барсуков?

– Он самый. Колобок сказал, что твой Иван с ним договорился насчет нашей совместной работы. Так?

– Так, – кивнула Настя. – Рассказывай, что знаешь.

– А что мне за это будет? – хитро прищурился Юра.

– Ты же отказался от моей картошки, – улыбнулась она, – а больше у меня ничего нет.

– Конечно, пользуешься моей бескорыстностью. Значит, так. Александр Барсуков, семьдесят восьмого года рождения, слушатель второго курса Московского юридического института родного МВД, обнаружен в пятницу вечером в убитом состоянии недалеко от собственного дома. Сегодня уже вторник, а сведений, проливающих свет на это дело, практически нет. Мальчик проживал с родителями, хорошая семья, нормальная, спокойная, но никто не знает, где он был в пятницу и откуда возвращался. Кстати, сын твоего любимого генерала был с ним хорошо знаком.

– Я знаю. Дальше рассказывай.

– Максим Заточный нам поведал, что Барсуков в пятницу был на занятиях, ничего не прогулял. У них второй курс учится во вторую смену…

– Я знаю, – снова перебила его Настя. – Занятия заканчиваются около семи вечера.

– Да ну тебя, – Коротков огорченно махнул рукой, – с тобой неинтересно. Я тебе рассказываю, как дурак, а ты все знаешь. Зачем тогда спрашиваешь?

– Я не все знаю. Например, где нашли труп и как парень был убит?

– Застрелен. Теперь это проще всего, оружия навалом, и пистолет бросить не жалко, всегда можно новый приобрести. Убили его возле автобусной остановки около часа ночи. Барсуков ехал на автобусе от метро, возвращался домой. Водителя автобуса мы нашли, и он его вспомнил, поскольку народу в такой поздний час ехало буквально пять человек, а мальчишка был в форме. В десять минут второго автобус сделал остановку, Барсуков вышел, но домой не пришел, а без четверти два его обнаружил человек, возвращавшийся домой на машине. Вот такая, Настя Павловна, незамысловатая песенка.

– Ты говоришь, он был в форме? Тогда его могли убить просто как милиционера, понимаешь? Абстрактного милиционера, а не конкретного Сашу Барсукова.

– Могли, – согласился Коротков, энергично дожевывая шашлык. – Его мог увидеть кто-то, кто прячется от милиции, и решить, что это по его душеньку пришли. Барсуков мог увидеть что-то и вмешаться, поскольку он милиционер в форме, и получить за это пулю. В конце концов, он просто мог нарваться на психа, который ненавидит милицию и мечтает извести все наше племя на корню. Что толку гадать, работать надо.

– Надо. – Настя со вздохом поднялась из-за стола, предвидя печальную необходимость совершить очередной подвиг: дойти до особняка и подняться пешком на третий этаж. – Пошли, солнце мое незаходящее.

– А что, ты уже знаешь, куда идти? – встрепенулся Коротков.

– Куда, куда… В контору пойдем. Посмотрим материалы про доброго дедушку Сашиной девушки. А к восьми часам младший Заточный должен появиться.

Они вышли на улицу и медленно пошли в сторону светло-зеленого здания.

– Ася, на что ты рассчитываешь с маленьким Заточным? – спросил Коротков. – Я с ним за это время два раза разговаривал, в воскресенье и вчера, в понедельник. Все, что он знал, он уже рассказал. И с девушкой этой, Лерой Немчиновой, я тоже встречался. Она понятия не имеет, куда Барсуков ездил в пятницу после занятий в институте.

– А ты ей, конечно, поверил, – усмехнулась Настя.

– И ты ей поверишь, когда увидишь. Кстати, не делай из меня идиота, который не подумал о дедушке-уголовнике. Я с Лерой об этом в первую очередь разговаривал. И знаешь, что она мне сказала?

– Догадываюсь. Она сказала тебе, что Саша с ее дедом вообще незнаком. Или знаком шапочно. Во всяком случае, никаких отношений между дедушкой и поклонником не было. Да?

– Умная ты, Аська, до невозможности, но даже ты не всегда все знаешь. Девушка Лера, между прочим, сказала, что Саша активно уклонялся от контактов с ее дедушкой и, кроме «здрасьте – до свидания», ни о чем с ним не разговаривал. А вот дедушке, наоборот, нравился этот молодой человек, и он всячески давал понять внучке, что у нее хороший и во всех отношениях достойный парень. Иными словами, дед-уголовник парнишку привечал и относился к нему как к подходящей партии для своей единственной и горячо любимой внучки. Чуешь, чем пахнет? С каких это пор человек, которого менты поганые засадили на двенадцать лет, мечтает, чтобы один из этих засранцев вошел в его семью в качестве зятя?

– Вероятно, с тех самых пор, как у этого человека появился интерес к нам, ментам поганым. Ты с дедом-то встречался?

– Нет еще, сладкое на третье. Пока внучкой ограничиваюсь.

– Ты прав, – согласилась Настя. – Если дед ни при чем, то он никуда не денется, а если замешан, то поспешностью можно спугнуть. Поскольку внучка уверяет, что дед с Барсуковым не контактировал, у тебя нет никаких оснований полагать, что он что-то знает о причинах убийства.

Она толкнула тяжелую входную дверь особняка и стала медленно подниматься по ступенькам.

– Тяжко? – шутливо посочувствовал Коротков. – На Петровке-то на лифте ездила.

Да, наверное, ей придется еще какое-то время помучиться этой болезнью: сравнивать и грустить. Каждые пять минут по любому поводу она вспоминала, как это было или происходило там, на Петровке. Все-таки десять лет, даже чуть больше, так просто на помойку не выкинешь. Там все родное, все привычное, а здесь…

* * *

Каждый новый день в жизни восемнадцатилетней Леры Немчиновой был до отвращения похож на предыдущий. В семь утра подъем, в восемь – выход из дома, в девять начинались занятия в медицинском институте, в четыре она

возвращалась домой. Заниматься в читальном зале институтской библиотеки Лера не любила, брала книги на абонементе и готовилась к семинарам и экзаменам дома. Исключение составляла только анатомичка, куда Лера ходила по вечерам. В среде сокурсников она считалась домашней девочкой, не участвующей в групповых развлекаловках и походах по барам и свободным квартирам. Но если бы Леру спросили, неужели она так любит свой дом, ответ был бы странным. Можно даже сказать, нелепым.

Дом свой Лера Немчинова любила и ненавидела одновременно. Любила – потому что это была та самая квартира, в которой она провела все свое детство рядом с обожаемыми мамой и папой. Здесь она была счастлива когда-то. Здесь стоял папин рояль, лежали на полках его ноты и пластинки с записями известных в те годы певцов, исполнявших его песни. Стены в комнате девушки были сплошь оклеены старыми афишами с объявлениями о концертах, на которых огромными буквами было написано: ГЕННАДИЙ НЕМЧИНОВ. Только в последнее время рядом с многочисленными портретами отца здесь стали появляться фотографии и афиши другого человека. Взошла звезда певца Игоря Вильданова, перед которым Лера преклонялась уже за одно то, что он – единственный в России и вообще во всем мире – до сих пор пел песни, написанные ее отцом. Вильданов был, без сомнения, талантливым певцом, но девушка вряд ли могла по достоинству оценить силу его дарования, ибо видела и знала лишь одно: Игорь был божественно красив, для нее он был принцем из ее детских снов, и он помнил и ценил творчество Геннадия Немчинова. Все остальное значения не имело. У него могло не быть голоса, могло даже не быть слуха, он мог оказаться бездарным исполнителем – Лера этого даже не заметила бы, потому что принц из детских и девичьих грез пел песни, написанные ее отцом, и тем самым прочно связывал ее с тем временем, когда родители были живы, когда весь мир был ярким и радужным и когда она была абсолютно счастлива. И только дома, в своей квартире, в своей комнате, в окружении афиш, фотографий и льющейся из магнитофона музыки она могла отрешиться от настоящего и хоть ненадолго погрузиться в состояние призрачного, иллюзорного покоя. Поэтому она любила свой дом.

Но с такой же силой она его ненавидела. Потому что в этом доме был дед. Страшный, отвратительный, грязный, тупой дед, несколькими пьяными выстрелами лишивший ее десять лет назад того счастливого восторга, в котором она пребывала постоянно. Лишивший ее всего. Матери, отца, тепла и ласки, дружбы с одноклассниками. Ей было восемь лет, и клеймо девочки «из семьи алкашей, которые напились и друг друга постреляли», приклеилось к ней намертво. Маленькие дети неразумны и безжалостны, они обидели Леру, а Лера

обиделась на них. Она стала изгоем, отстранилась от всех, и даже с годами пропасть между ней и остальными детьми не уменьшилась. Одноклассники забыли о причинах ее сиротства, но Лера не забыла их предательства. Не забыла и не простила. До самого окончания школы, до прошлого года, она так и просуществовала одна. Совсем одна. Не считая, конечно, старую тетю Зину, двоюродную сестру покойной бабушки. Сразу после смерти родителей тетя Зина приехала в Москву из своей глухой провинции, чтобы позаботиться о девочке. Она хотела забрать Леру к себе, но та категорически отказалась уезжать из дома, орала как резаная, устраивала истерики, била посуду и дважды убегала прямо с вокзала, пресекая всяческие попытки разлучить ее с привычным местом обитания. Осознав всю бесполезность своих усилий, пенсионерка тетя Зина осталась в Москве. Не бросать же ребенка на произвол судьбы! И не в интернат же ее отдавать при живых-то родственниках, пусть и не самых близких…

С тетей Зиной она прожила все девять лет, пока не вернулся дед. На следующий день после его возвращения родственница уехала к себе в провинцию. У нее и в мыслях не было остаться под одной крышей с убийцей-уголовником. Перед отъездом она предложила Лере уехать вместе с ней, подальше от деда, но девушка и на этот раз отказалась.

– Как ты не боишься жить с ним вместе? – охала тетя Зина. – Это же страшный человек, родного сына не пожалел, тебя осиротил.

– Здесь мой дом, – твердо отвечала Лера. – Я никуда отсюда не уеду. А если дед начнет себе позволять лишнего, я его обратно засажу, у меня не задержится.

Однако дед ничего себе не позволял. Первое время Лера постоянно приглядывалась к нему, ожидая признаков «неправильного поведения», грубости, склонности к насилию, пьянства или чего-нибудь такого. С каким удовольствием она пошла бы к участковому и пожаловалась… Участковый у них в микрорайоне хороший, между прочим, в их же доме и живет, Лера с ним давно знакома, так он сразу предупредил, как только дед появился, мол, чуть что – не стесняйся, беги ко мне. Но ничего не было. Дед вообще не пил, голос на нее не повышал, был вежливым, тихим, аккуратным, устроился на работу вахтером в двух местах сразу, работал по графику «сутки через трое» и еще где-то подрабатывал, короче, деньги, хоть и небольшие, приносил, но Леру это мало интересовало. Авторские за отцовские песни капали регулярно, на это они с тетей Зиной и жили все девять лет. И дальше она проживет без дедовых денег. Дед имеет право здесь жить, это его квартира, на его деньги купленная когда-

то, давно еще, до рождения Леры. Но это право – материальное. А вот что касается морального права жить вместе с внучкой, которую по пьяному делу оставил сиротой, то тут дело обстояло не так просто.

Лера Немчинова была твердо уверена в том, что дед не имеет морального права не только на жизнь вместе с ней, но и на жизнь, как таковую, вообще. Был бы он честным человеком, давно бы уже умер, считала девушка. Такие, как он, не должны существовать на земле. Но ежели тупой отвратительный дед этого не понимает и продолжает отравлять ей существование одним своим присутствием, то он должен хотя бы понимать, что происходит. Он должен постоянно испытывать чувство вины за то, что уже сделал, и неловкости за то, что продолжает жить рядом с ней.

На похороны Саши Барсукова Лера не ходила. И не потому, что так уж безумно переживала. Просто не хотела и не считала нужным. Переживать-то она, конечно, переживала, но совсем по другому поводу. А Сашка – кто он ей? Поклонник, ухажер, не более того. Не жених же, в самом-то деле! Это только дед со своими стародавними понятиями может считать, что если парень провожает до дому, заходит на чашку чаю и приносит цветы, так уж за него непременно замуж следует выходить. Лера так не считала, более того, она, как и подавляющее большинство современных девушек, не считала даже интимную близость поводом для серьезных выводов. И тот факт, что она регулярно в отсутствие деда ложилась с Сашей Барсуковым в постель, отнюдь не означал для нее, что ей приличествовало бы все-таки поприсутствовать на похоронах юноши и хотя бы проститься с ним. Дед, к счастью, не знал, насколько далеко зашли их отношения, но и самого по себе процесса ухаживания для него было достаточно, чтобы он посмел сделать внучке замечание.

– Когда похороны? – спросил он, придя в десять утра с суточной смены.

– Сегодня, – спокойно ответила Лера.

– В котором часу?

– Уже начались, – равнодушно бросила она.

– А ты? Почему ты дома?

– Я не пойду. Нечего мне там делать.

– Лерочка, но ведь это твой товарищ, твой друг. Как ты можешь?

– Заткнись, – холодно фыркнула девушка. – Не тебе меня учить. Тоже мне, образец морали и нравственности.

Дед молча разделся и ушел в свою комнату. Лера удовлетворенно вздохнула. Вот так. Никто не будет ей указывать, а уж он-то тем более.

Она даже не ожидала тогда, год назад, что с дедом так легко будет справиться. Нужно только постоянно напоминать ему о содеянном и давать понять, что Лера его не простила. И будет как шелковый. Положа руку на сердце с дедом ей даже проще, чем со старой тетей Зиной, потому как понятия у нее такие же старомодные, как у него, но тетя Зина, в отличие от деда, считала себя вправе делать ей замечания и даже поучать. Другое дело, что тетя Зина как стала с самого начала жалеть ее, несчастную сиротку, так и продолжала это делать все девять лет, на многое закрывая глаза и спуская девочке с рук то, за что детей обычно все-таки наказывают. Дед ее, судя по всему, ни капли не жалел, но Лера быстро сообразила, что им можно манипулировать если не при помощи жалости, то при помощи чувства вины. И преуспела в этом блестяще. Дед ходил по струночке и вякнуть не смел. О господи, как же она его ненавидела!

Дед делал всю работу по дому, убирал квартиру, ходил в магазины, готовил еду. Лера с самого начала заявила ему, что если уж ей не избежать жизни под одной крышей с убийцей своих родителей, то убирать за ним и подавать ему на стол она не обязана и не будет. Дед молча подчинился, только глазами сверкнул недобро. Да что ей это сверкание! Боялась она его, можно подумать. Сама умеет глазами молнии метать, и ничуть не хуже.

Весь день, пока шли похороны Барсукова, Лера просидела дома, даже в институт не ходила. Лежала на диване в своей комнате, слушала божественный голос Игоря Вильданова, исполнявший песни ее любимого папочки, смотрела на фотографии и афиши, развешанные по стенам, глотала слезы и думала, что же делать дальше. Как ему помочь?

Глава 2

Среди множества плюсов в ее новой работе был один существенный минус. Майор Каменская теперь не обладала полномочиями вызывать к себе людей, с которыми ей нужно было поговорить. Вызывать могли следователи, приглашать – оперативники, а она вот уже три месяца была, что называется, никем. Нужен тебе человек, хочешь задать ему пару вопросов – будь любезна, договорись с ним предварительно, а потом одевайся, спускайся с третьего этажа, садись в поезд метро и поезжай, куда тебе надо. На своих двоих. Борись с ленью, забудь про ноющую спину. Кончилась твоя сладкая жизнь. Это раньше ты была «оперативником с Петровки», и уже одно это давало людям понять, что ты имеешь право задавать им вопросы. А нынче ты – главный эксперт-консультант информационно-аналитической службы, и прав у тебя никаких, одни сплошные обязанности.

Наличие обязанностей Настя Каменская переносила спокойно, а вот отсутствие прав периодически вызывало у нее раздражение. Сегодня, например, ей пришлось тащиться бог знает в какую даль, чтобы по предварительной договоренности встретиться с человеком, чьи показания, занесенные в протокол и вшитые в десятилетней давности дело об убийстве супругов Немчиновых, вызывали у нее легкое недоумение. Причем она совершенно не была уверена в том, что недоумение это имеет под собой хоть какую-нибудь почву. Может быть, свидетель вовсе и не так говорил, просто следователь, делая записи в протоколе, сформулировал его слова именно таким образом. Стоит ли овчинка выделки? Тратить полдня на дорогу туда и обратно, чтобы задать ерундовый вопрос и не получить интересного ответа… Утешала только слабая надежда на то, что вопрос может оказаться вовсе не ерундовым.

Человек, которому Настя собиралась задать свой вопрос, в настоящее время находился в отпуске и проводил время в подмосковном доме отдыха. Встреча была назначена на час дня, но, поскольку Настя ехала сюда впервые, ей не удалось правильно рассчитать время, и в доме отдыха она оказалась куда раньше, в четверть первого. Самые худшие предположения, которые имеют обыкновение сбываться, себе не изменили, и дверь комнаты, номер которой был записан у нее на бумажке, оказалась заперта. Настя уселась в холле второго этажа, ожидая, когда появится нужный ей человек, и открыла книжку, которую взяла с собой, чтобы скоротать время в электричке. Книжка была нудная, с неумелыми потугами на юмор, но Настя добросовестно водила глазами по строчкам, ибо давно усвоила: если книгу покупают, значит, нашлись люди, для

которых в ней что-то интересное и привлекательное есть. И почему бы ей не попытаться это интересное и привлекательное найти?

Когда без пятнадцати час в холле появился мужчина в спортивном костюме и с лыжами в руках, Настя ни на секунду не усомнилась, что это он, Александр Владимирович Белкин. Она никогда не видела ни его самого, ни его фотографий, только договаривалась с ним о встрече по телефону, но по голосу и по манере говорить составила себе именно такое представление: крепкий, спортивный, подтянутый. В протоколе допроса десятилетней давности было сказано, что он военный летчик. Интересно, чем он теперь занимается? Судя по тому, что не расплылся и не обрюзг, вряд ли ушел на коммерческие вольные хлеба.

– Александр Владимирович? – негромко окликнула она.

Мужчина с лыжами повернулся к ней и взглянул на часы. Его жесткое лицо с четкими крупными чертами, покрытое бисеринками пота, выражало неудовольствие.

– Анастасия Павловна? До назначенного времени еще четверть часа.

– Извините, я не рассчитала время и приехала чуть раньше.

– А я рассчитывал, что до вашего приезда успею после лыжного пробега принять душ.

– Конечно, – торопливо сказала она. – Мне вас здесь подождать?

Белкин смягчился, твердо очерченные губы дрогнули в улыбке.

– Пойдемте ко мне в номер.

Он даже не стал ждать ее ответа, просто повернулся и быстро пошел по длинному коридору к своей двери. Настя, сунув книжку в сумку, последовала за ним.

Белкин жил в двухкомнатном люксе. Одна комната выполняла роль гостиной – мягкая мебель, телевизор, другая, по всей видимости, была спальней. Оставив

Настю в гостиной, Белкин скрылся в ванной и ровно в час дня снова появился перед ней, на этот раз в джинсах и тонком шерстяном свитере, с тщательно расчесанными, мокрыми после душа волосами.

– Я вас внимательно слушаю, – произнес он, усаживаясь в кресло напротив нее.

– Александр Владимирович, мой вопрос может показаться вам странным, потому что касается очень давних событий. Я имею в виду убийство ваших соседей по даче, Немчиновых.

– Да. И что?

– Вы не могли бы припомнить и рассказать мне, что там случилось?

– Позвольте, – на лице Белкина снова проступило неудовольствие, на этот раз смешанное с настороженностью, – вы же сказали, что работаете в МВД. Это так?

– Так. Могу предъявить удостоверение.

– Будьте любезны, – сухо сказал он, протягивая руку.

Внимательно прочитав удостоверение и сличив фотографию с оригиналом, Белкин вернул документ Насте.

– Я не понимаю смысла ваших вопросов. Если вы работаете в МВД, то должны иметь доступ к уголовному делу. В нем все написано. Что нового вы хотите услышать от меня?

– В деле написано, что это именно вы вызвали тогда милицию.

– Да, вызвал.

– Почему?

– Потому что услышал выстрелы, а спустя некоторое время увидел, что из окон соседней дачи валит дым. Соединил одно с другим и получил повод для того,

чтобы вызвать милицию. Вас это удивляет?

– Да нет… – Настя улыбнулась. – Я хотела спросить, почему вы не вызвали милицию сразу, как только выстрелы услышали? Почему нужно было ждать, пока начнется пожар.

– Потому что в выстрелах не было ничего особенного. В нашем поселке их можно услышать по три раза в час. У каждого есть охотничье оружие, неподалеку от нас находится большая поляна, где устроили что-то вроде тира – ружья пристреливают, тренируются. И кроме того, рядом расположен заповедник, и тогда как раз был разгар сезона. Выстрелы – не повод. А вот выстрелы в сочетании с пожаром – другое дело. Я ответил на ваш вопрос?

На вопрос-то он ответил, да только вопрос это был не тот, что так интересовал Настю. Но сразу в лоб спрашивать нельзя, к сложному моменту полагается подбираться исподволь.

– Милиция быстро приехала?

– Довольно быстро, – кивнул Белкин. – Минут через пять. У нас там все близко.

– Вспомните, что вы милиционерам сказали, когда они приехали.

– Сказал, что к соседям в гости приехал мужчина. Милиционеры спросили, как он выглядел. Я дал описание.

– И что было потом?

– Через некоторое время меня попросили проехать в отделение, посмотреть на пятерых мужчин и сказать, нет ли среди них того, кого я видел на соседском участке. Я его опознал.

– И все?

– Все.

Да, похоже, именно так все и было. В протоколе опознания написано: свидетель Белкин А. В. указал на задержанного Немчинова В. П. как на человека, которого видел незадолго до происшествия вместе с погибшими соседями. Непонятно. Совершенно непонятно.

– Александр Владимирович, сколько лет вы являетесь владельцем своей дачи?

– С восемьдесят второго года.

– Строили сами?

– Нет, купил уже построенную. Наследники какого-то профессора продавали. Им деньги срочно нужны были, они на постоянное жительство в Канаду собирались, удалось купить недорого.

– С соседями, Немчиновыми, были хорошо знакомы?

– Не особенно. Конечно, когда мы на даче, то постоянно друг у друга на глазах, так что в лицо и я их, и они меня знали. Но не более того. В гости они ко мне не ходили и к себе не звали.

– А что вы о них знали? Кроме фамилии, разумеется.

– Практически ничего, кроме того, что Геннадий был известным композитором-песенником. Но об этом знал весь поселок. Все девицы к нему за автографами бегали.

Настя вздрогнула. Известным композитором? Ничего себе! Уж не тот ли это Немчинов, который… Ну точно, это должен быть он. Тогда, в восемьдесят седьмом году, еще не принято было публично оглашать неприглядную правду о знаменитостях. Многие известные люди кончали с собой, умирали от передозировки наркотиков или от алкоголизма, а газеты уклончиво сообщали: трагически погиб, скоропостижно скончался. О композиторе Геннадии Немчинове тоже было сказано довольно скупо: ушел от нас в расцвете творческих сил. Поскольку убийство было совершено на даче, то делом занимался не город, а область, потому и подробностей никаких Настя тогда не знала. Слышала только, что вроде как убили его, и все.

– А у Немчиновых дача кому принадлежала? Композитору или Василию Петровичу?

Вот тут Настя начала атаку. Потихоньку, из-за угла, еще плохо понимая, чего хочет добиться. Но эта чертова несуразность не давала ей покоя. Брови Белкина слегка вздернулись в мимической фразе непонимания.

– Василию Петровичу? Кто это?

– Старший Немчинов, отец Геннадия. Вы забыли, как его зовут?

– И не знал никогда. Я знал только Геннадия и Свету, ну и девочку, конечно, Лерочку. Она совсем маленькая была.

– Александр Владимирович, – напряженно сказала Настя, – это очень важно, потому я попрошу вас быть как можно более точным. Когда вы увидели на соседнем участке хозяев и с ними мужчину, вы знали, что этот мужчина – отец Геннадия Немчинова?

– Понятия не имел.

– И вы никогда раньше его не видели?

– Совершенно определенно – нет. Не видел.

– Вы можете быть в этом уверены?

– Анастасия Павловна, у меня хорошая зрительная память. И зрение, кстати сказать, отменное. Не хочу вам лишний раз напоминать, кто я по профессии…

– Я помню, – вставила Настя, – вы были военным летчиком.

– Тогда вы должны понимать, что на мои глаза можно полагаться. Немчиновы пользовались своей дачей круглый год, у них большой теплый дом. У меня дом не такой приспособленный для зимы, но я каждое воскресенье приезжал и продолжаю приезжать туда кататься на лыжах. А в теплый сезон живу там постоянно. И если бы я хоть раз увидел того человека, то запомнил бы его.

Да, вот в чем была та несуразность, которая задела Настю. Читая материалы дела, она сразу обратила внимание на то, что сосед, Белкин Александр Владимирович, говорил не о Василии Петровиче Немчинове, отце хозяина дачи, а о мужчине лет пятидесяти пяти, крепкого телосложения, с заметной сединой и тяжелой походкой, о мужчине, одетом в темные брюки, свитер цвета бордо с двумя белыми полосами на спине и на груди. Немчинова задержали по приметам, главным образом – по описанию как раз этого бордового с белыми полосками свитера.

– Вы хорошо рассмотрели его лицо в тот раз? – спросила она.

– Конечно. И голос запомнил. Я с ним разговаривал.

– О чем?

– Он хотел полить цветы, взял лейку и стал искать воду. Геннадий и его жена в этот момент были в доме, а я как раз возле забора находился, возился с кустом смородины. Вижу, гость с лейкой в руках по участку бродит, и вид у него какой-то растерянный. Он меня заметил, поздоровался и спросил, где тут воду берут. Я ему показал, где у Гены колонка. Он лейку наполнил и стал цветы поливать. Потом в дом ушел.

– А дальше?

– Что – дальше? Дальше ничего не было. Соседи были в доме, я тоже вернулся к себе. Сел на диван и телевизор смотрел, тогда как раз «Семнадцать мгновений весны» днем показывали, и я старался ни одной серии не пропустить. Когда услышал выстрелы, не придал этому значения. Все остальное я вам уже сказал.

– Александр Владимирович, тогда, десять лет назад, вам кто-нибудь задавал те же вопросы, что и я?

– Нет. И я, кстати, не понимаю, почему вы их мне задаете. Ведь убийцу поймали, это был тот самый человек, которого я видел на участке Немчиновых. Какие тут могут быть неясности?

– Никаких, – вздохнула Настя. – Тем более что Немчинов признался в убийстве и на следствии, и на суде.

– Тогда зачем вы тратите время на это?

– Вы хотите спросить, зачем я отнимаю время у вас?

– Ну хотя бы, – усмехнулся Белкин. – Или вы считаете, что если человек в отпуске, то его время цены не имеет?

– Нет, я так не считаю. Александр Владимирович, вам не показалось странным, что отец хозяина дачи не знает, где на этой даче колонка?

– Не показалось. – Белкин начал раздражаться, и это было очень заметно. – Я этого человека видел впервые, для меня он был просто гостем, поэтому мне показалось вполне естественным, что он чего-то не знает. Я не понимаю, к чему вы клоните. Вы считаете, что я дал недобросовестные показания?

Настя весело рассмеялась. До нее наконец дошло, почему Белкин сердится. Ну конечно, она ставит свои вопросы таким образом, что может сложиться впечатление, будто она перепроверяет его слова и не доверяет им.

– Прошу меня извинить, – сказала она мягко. – Я не хотела, чтобы вы так подумали. Дело в другом. Понимаете, дача принадлежала не Геннадию, а его отцу, Василию Петровичу. Вы были их соседями на протяжении пяти лет и за эти годы ни разу не видели настоящего хозяина. А когда этот настоящий хозяин вдруг появился, то выяснилось, что он даже не знает, в каком месте участка прорублен артезианский колодец. То есть он действительно там не бывал. И у меня возникает вопрос: почему?

– Вопрос, конечно, интересный, но не по адресу. Я уже говорил вам, что знакомство с соседями по даче было шапочным, здоровались и одалживали друг у друга инструмент, не более того. А уж почему отец Геннадия не приезжал на дачу – не могу знать. В их внутрисемейные дела не посвящен.

Голос Белкина был по-прежнему сухим, но раздражение исчезло. Насте даже показалось, что он стал посматривать на нее с интересом. Ну, или, во всяком

случае, с любопытством. Она посмотрела на часы и поднялась.

– Вам, наверное, надо идти на обед. Спасибо, что уделили мне время.

Белкин глянул насмешливо и вдруг резко произнес:

– Сядьте, майор. Мы еще не закончили.

Настя оторопела от изумления и послушно села обратно в кресло. Белкин молчал, рассматривая ее, как букашку под микроскопом, и под этим взглядом ей стало не по себе.

– Ловко вы со мной управились, – вымученно пошутила она, пытаясь стряхнуть с себя неловкость. – Подали команду, и я покорно ее выполнила, хотя вообще-то вам я не подчиняюсь. Привыкла за пятнадцать лет службы.

– Вы так давно служите?

– Да, надела погоны сразу после университета. А вы?

– У меня выслуги больше, чем календарных лет жизни. Время участия в боевых действиях засчитывается один к трем. Не уклоняйтесь от темы. Почему вы заинтересовались сейчас таким давним делом?

– Ни почему. – Настя пожала плечами. – Василий Петрович Немчинов летом прошлого года вернулся из мест лишения свободы, и, поскольку он теперь живет в Москве, я хочу хотя бы примерно представлять себе, чего от него ждать. Взяла из архива дело, стала читать и наткнулась на ваши показания. Вот и приехала к вам, чтобы уточнить. Согласитесь, нельзя пройти мимо того факта, что человек годами не приезжает на свою дачу, хотя его сын, невестка и внучка бывают там регулярно, и вдруг ни с того ни с сего он появляется там, пьет водку вместе с сыном и его женой, а потом хватается за ружье и убивает собутыльников. Кстати, Геннадий и Светлана любили застолье?

– Насчет застолья ничего сказать не могу, но то, что гости у них бывали часто, это точно. И пили они много, это тоже точно. В том, что Геннадий пил водку вместе с женой и отцом, ничего удивительного нет. А если вас смущает, что

отец вдруг приехал на дачу, так, может, у них повод был. Праздник какой-нибудь семейный, например.

– Семейные праздники случаются каждый год, но тем не менее старшего Немчинова вы ни разу не видели, – упрямо возразила Настя. – Почему они собрались на даче именно в тот раз? Что за особый повод мог случиться?

– Да вы у отца и спросите, вы же сами говорите, он теперь в Москве. Почему вы у меня допытываетесь?

– Неправда ваша, господин полковник, – улыбнулась Настя. – Я не допытываюсь. Я хотела уйти, потому что все, что хотела спросить, уже спросила. А вы меня не отпустили. Так что теперь ваша очередь признаваться: почему? Зачем вы меня задержали?

– Я жду, – коротко ответил Белкин.

Он легко поднялся с низкого кресла, прошелся по комнате, постоял несколько секунд у окна, потом повернулся к Насте, облокотившись на подоконник.

– Я хочу проверить, умеете ли вы слушать, и жду, когда вы зададите мне один вопрос. Но, судя по вашему поведению, не дождусь.

Настя внезапно разозлилась. Что он себе позволяет, этот полковник? Да, он воевал, да, он летчик, участник боевых действий, имеет множество наград, но разве это дает ему право сомневаться в профессионализме других людей, занимающихся отнюдь не такой героической работой? Если ты умеешь хорошо бегать, разве есть у тебя право считать тех, кто не бегает, а прыгает, полным ничтожеством, даже тех, кто прыгает лучше, чем ты бегаешь? Она сделала над собой усилие, стараясь встать с кресла если не так изящно, как это сделал Белкин, то хотя бы не демонстрировать свою неуклюжесть.

– Не дождетесь, – спокойно сказала она. – Но не потому, что я не хочу задать вам этот вопрос. А исключительно потому, что вы ясно дали мне понять: чужими семейными тайнами вы не интересуетесь и на мой вопрос вряд ли захотите отвечать.

– Задавайте свой вопрос, и я вам на него отвечу. Нам действительно пора заканчивать, иначе я рискую остаться без обеда.

Настя сделала глубокий вдох, как перед прыжком в воду. Она терпеть не могла, когда ее экзаменовали, но, к сожалению, далеко не всегда умела избегать таких ситуаций. Вот и сейчас вляпалась по неосмотрительности, позволила этому полковнику взять над собой верх в разговоре, теперь придется доказывать свою профессиональную состоятельность. Она не сомневалась, что Белкин имеет в виду то же, что и она. Он сказал – и не просто сказал, а подчеркнул, что обладает отличной зрительной памятью. Значит, помнит многих из тех, кто неоднократно бывал на даче у Немчиновых, несмотря на то, что прошло столько лет. Может быть, кто-то из этих людей знает ответ на вопрос? Сам Василий Петрович его, конечно, тоже знает, но, если бы не считал нужным скрывать, это обязательно появилось бы в материалах уголовного дела. В протоколах его допросов непременно мелькнуло бы хоть один-единственный раз: «В тот день мы вместе с сыном поехали на дачу, хотя раньше я там не бывал, потому что…» Но не мелькнуло. Приехал – и приехал, а бывал ли там раньше – никого не интересует, потому как непосредственно к убийству никакого отношения не имеет. Стало быть, у Немчинова-старшего спрашивать бесполезно. Тогда не сказал и сейчас не скажет. Немчиновых-младших нет в живых. Лера Немчинова была тогда восьмилетним ребенком, так что и ее спрашивать бессмысленно. А вот друзей семьи Немчиновых поспрашивать имеет смысл. Причем именно таких друзей, которые сами часто приезжали к ним на дачу и могут знать, бывал ли там отец, а если не бывал, то почему.

– Вы можете назвать мне имена? – спросила Настя в лоб, пропуская все предыдущие звенья.

– К сожалению, только одно имя. И узнал я его совсем недавно. Видел этого человека у Немчиновых много раз, поэтому хорошо запомнил. И когда он появился на экране телевизора, я не сомневался ни секунды. Это он.

– Имя, – настойчиво повторила Настя. – Вы обещали его назвать.

– Имени я не запомнил. Он участвовал в передаче об Игоре Вильданове. Есть такой известный певец, может, слышали?

– Слышала. В качестве кого он участвовал в передаче?

– Рассказывал о Вильданове. О том, как он много трудится, как репетирует, как придирчиво относится к своему творчеству и так далее. Мне показалось, что этот человек – что-то вроде его личного менеджера. Кажется, у артистов это называется импресарио. Все, Анастасия Павловна, время вышло. Через десять минут столовую закроют.

Они вместе вышли из номера, Белкин направился по лестнице на третий этаж, где находилась столовая, а Настя спустилась вниз и побрела на электричку. Надежда доехать до станции на автобусе не оправдалась, если верить расписанию, один автобус ушел несколько минут назад, а следующий пойдет только через полтора часа. Ждать глупо, да и холодно.

Три километра, отделявшие дом отдыха от станции, она прошла за сорок минут, не переставая удивляться самой себе. Ведь ходить пешком так здорово, легкие прочищаются от чистого холодного воздуха, и мысли приводятся в порядок. И почему она так ленится гулять? Раньше, когда еще на Петровке работала, Заточный систематически вытаскивал ее на ранние утренние прогулки в Измайловский парк, и ей каждый раз смертельно не хотелось идти, а потом она всегда радовалась, что пошла. За три последних месяца они не гуляли вместе ни разу, да это и понятно. Когда работали в разных службах – одна песня, а когда стали начальником и подчиненным – совсем другая. Служебная этика не позволяет. Да и необходимости нет, и без того каждый день на работе видятся, все, что нужно, можно обсудить в кабинете.

Любопытная все-таки семейка эти Немчиновы. Известный композитор оккупировал просторную теплую дачу, построенную его отцом, принимал там гостей, устраивал шумные застолья. А невидного папашу – побоку. Стеснялся его, что ли? Наверное. Так нередко бывает: детки выбиваются в люди, обрастают солидными знакомыми и делают вид, что у них вообще нет родителей, потому как тех, которые есть, предъявлять своему изысканному окружению не желают. Рылом, стало быть, не вышли предки. Образование не то, манеры не светские, да и внешний вид оставляет желать лучшего.

Однако не очень-то вяжется такая простенькая история с образом Василия Петровича Немчинова. А как же безупречно грамотная письменная речь без единой орфографической и синтаксической ошибки? А как же нормальный русский язык на шестом году пребывания в зоне? На малограмотного темного мужика Немчинов-старший никак не тянет, хоть и нет у него высшего образования, хоть и проработал всю жизнь до ареста рабочим, но рабочим-то он

был высочайшей квалификации. Точь-в-точь Гога из знаменитого фильма «Москва слезам не верит». А как же сплошные благодарности за ударный труд и примерное поведение в колонии? Значит, человек умеет держать себя в руках и неукоснительно следовать правилам, даже если правила эти чем-то не устраивают. Трудно поверить, что такой человек не сможет нормально держаться в обществе, если захочет. Настя вспомнила фотографии, которые видела в уголовном деле. Наголо бритый и хмурый, все равно Василий Петрович Немчинов не производил впечатления деревенского неотесанного мужлана, которого мог бы стесняться известный музыкант.

Она дошла до развилки и на мгновение остановилась. С этого места до станции можно идти двумя путями: либо по той же дороге, либо через опушку леса. По дороге спокойнее, но дольше, через лес – короче, только страшно немножко. Хотя чего бояться? Белый день, половина третьего всего. Настя решительно повернула в сторону леса.

И уже через пару минут с удовлетворением признала, что сделала правильный выбор. В лесу было тихо и невероятно красиво. Голова решительно отказывалась думать о давнем убийстве, равно, впрочем, как и об убийстве нынешнем. Господи, ну почему вся ее жизнь – это трупы, смерти, чьи-то слезы, чья-то ненависть. Живут же люди как-то по-другому. Цветоводы, например… Или лесники в заповедниках. Работают с прекрасным материалом, не в смысле – с хорошим, а в смысле – красивым. И никакой ненависти. Никакой злобы.

Не о том она думает, не о том. Что это еще за сопли на глюкозе? Думать надо о том, как выполнять задание Заточного. И задание это, между прочим, состоит вовсе не в том, чтобы раскопать причины, по которым Василий Петрович Немчинов не ездил когда-то на собственную дачу. Ее задание в том, чтобы выяснить, не пытался ли освобожденный из мест лишения свободы Немчинов втянуть в преступные связи молоденького милиционера, слушателя ведомственного вуза МВД Сашу Барсукова, и если пытался, то единичный ли это случай или же одно из звеньев целой системы проникновения криминальных структур в милицию. Только это должно ее интересовать, а не какие-то там сантименты по поводу сложных отношений отца с сыном. На дачу он, видите ли, не ездил! Ну и что? Вон у Настиных родителей тоже дача есть, а толку? Настя на ней и была-то всего один раз, исполняла долг вежливости, приехала лет семь назад посмотреть на родительское приобретение. На дачу ее никаким калачом не заманишь, она существо городское, к природе тяги не испытывает. Ей надо, чтобы горячая вода была, кофе и обязательно телефон под рукой. Компьютер

тоже желателен. И чтобы никаких комаров и прочих очаровательных кусачих кровососов. Одним словом, в своей однокомнатной квартире на Щелковском шоссе ей самое место. Удобно и привычно.

Опять мысли куда-то в сторону ускакали. Нет, лесная тишина и заснеженные деревья определенно не способствуют конструктивному мышлению. Итак, что нужно сделать? Первое: встретиться с Лерой Немчиновой и поподробнее поговорить с ней о взаимоотношениях Барсукова с ее дедом. Второе: повидаться с Василием Петровичем, познакомиться и сделать хотя бы приблизительные прикидки. Третье: плотно заняться институтом, в котором учился Барсуков. Максим Заточный уже назвал фамилии слушателей, которые могут знать о Барсукове больше, чем он сам. С ними сейчас работает Юра Коротков, ему убийство раскрывать надо. А Настя вступит в дело чуть позже, когда поутихнет горячка первых дней расследования.

И все-таки почему Немчинов-старший не ездил на свою дачу, не ездил, а потом вдруг приехал и убил сына и невестку? Бред какой-то, с досадой подумала Настя. Ну чего ей всякие глупости в голову лезут? Какое это имеет значение? Никакого. Не ездил он на дачу полтора десятка лет назад, а Сашу Барсукова убили на прошлой неделе. Кстати, любопытно было бы узнать, бывает ли Василий Петрович на своей даче сейчас? Дача стоит, никуда не делась, после пожара ее восстановили и никому не продали. Судя по всему, Немчинов на нее по-прежнему не ездит, иначе полковник Белкин обязательно сказал бы об этом. Что ж, ничего удивительного, мало кому захочется приезжать в то место, где в пьяном угаре убил двоих человек. Да не чужих, не случайных собутыльников, а родителей своей единственной внучки.

«Уймись, Анастасия, – сердито сказала она себе, – тебя будто приворожил этот Немчинов. Ты его и не видела-то еще ни разу, а ни о чем, кроме него, думать не можешь. Дался он тебе…»

Впереди показалась платформа, и Настя с удивлением поняла, что уже дошла до станции.

* * *

Ее до сих пор охватывала дрожь каждый раз, когда она подходила к его дому. Впервые она пришла сюда три года назад, еще пятнадцатилетней соплюшкой-

школьницей. Адрес узнать было нетрудно, у каждого знаменитого певца есть фанаты, которые знают о нем все, начиная с адреса и заканчивая любимым цветом презервативов. Лера тоже была фанаткой, но не такой, как все. Так, во всяком случае, она считала. Для всех других Игорь Вильданов был знаменитым и уже одним этим заслуживал поклонения. Для нее факт его известности значения не имел. Значение имело лишь одно: он пел песни ее отца и тем самым как бы продлевал его давно оборвавшуюся жизнь. Было и еще одно обстоятельство, признавать которое Лера не любила, но и забыть о нем не могла. Вильданов был не просто красив, он был прекрасным принцем из ее девичьих снов. Ну просто один в один, точно такой же, каким грезился ей первый и единственный на всю жизнь возлюбленный. Она даже рисовала его портреты, никому, правда, не показывала, но рисовала и когда ей было девять, и десять, и двенадцать, и четырнадцать. А в пятнадцать вдруг впервые увидела Игоря по телевизору и поразилась сходству придуманного и вымечтанного образа с живым и вполне осязаемым человеком.

Но тогда еще мысль о том, чтобы прийти к нему, не появилась. Пришла эта мысль к ней спустя два месяца, когда Лера услышала, как Вильданов исполняет одну из лучших песен отца, «Реквием». С этого момента она перестала сомневаться. У нее не только есть огромное желание быть рядом с ним, у нее и право на это есть, ведь она – дочь композитора Немчинова, чьи песни поет Игорь.

Узнав адрес, Лера смело отправилась к дому, где жил певец. Конечно, так ее и пустили к нему, разбежалась! Таких, как она, фанаток, к кумирам на пушечный выстрел не подпускают, потому они обычно и дежурят на улице, возле подъезда, в ожидании, когда объект обожания появится хоть на три секунды, которые нужны, чтобы сделать пять шагов от двери до машины. За эти три секунды можно успеть не только увидеть его вблизи, но и вдохнуть запах его туалетной воды, и потрогать за рукав куртки, и поймать на себе его рассеянный и утомленный взгляд, а уж если совсем повезет – то и автограф получить. В тот раз возле подъезда околачивались десятка полтора восторженных малолеток. Заметив неуверенно приближающуюся незнакомую девицу, малолетки впились в нее настороженными глазенками: как же, конкурентка, чужая. Ведь чем больше народу толчется возле двери, тем меньше шанс, во-первых, близко подобраться к кумиру, когда он соизволит показаться, а во-вторых, быть им замеченной. Но Лера вовремя сообразила сделать надменное лицо, добавила уверенности походке и вошла в подъезд, будто так и надо, будто вовсе не Вильданов ей нужен, а совсем другой человек. Однако до лифта ей дойти не удалось. Здесь же, в холле, сидел не то вахтер, не то консьерж, не то охранник, здоровенный

детина с пустыми глазами. Детина дело свое знал и на появление молоденькой девушки отреагировал моментально.

– Ты к кому, девочка? – спросил он неожиданно высоким голосом.

Ее покоробило это небрежное «девочка». Какая она ему девочка? Это те, возле подъезда толкущиеся дуры – девочки, даже не девочки, а девицы. А она – совсем другое дело.

– Я к Вильданову, – холодно ответила она, стараясь скрыть внезапно охвативший ее испуг.

– А он тебя звал? – продолжал допрос тонкоголосый детина.

– Да, – соврала она, тут же устыдившись собственной глупости. Какой смысл врать, когда каждое ее слово он может проверить? Вон и телефон стоит прямо перед ним.

– А если я позвоню ему и спрошу, что будет? – насмешливо осведомился охранник.

Лера набрала в грудь побольше воздуха и сказала:

– Скажите ему, что пришла дочь композитора Немчинова.

Детина хмыкнул, но глаза перестали казаться пустыми, в них мелькнуло что-то вроде любопытства. Будто нехотя снял он трубку и набрал номер.

– Вячеслав Олегович? Это дежурный. Тут к Игорю девочка пришла, говорит, что она дочь композитора какого-то…

– Немчинова, – тут же подсказала Лера, – Геннадия Немчинова.

– Геннадия Немчинова, – послушно повторил за ней детина. – Не знаю, спрошу сейчас. Тебя как звать? – обратился он к Лере.

– Валерия Немчинова.

– Валерия, – произнес он в трубку. – Ага, ладно.

Положив трубку, дежурный несколько мгновений разглядывал Леру не то скептически, не то с интересом.

– Поднимайся, – наконец процедил он. – Шестой этаж.

– А квартира?

– Тебе откроют.

Она поднялась в лифте на шестой этаж и, когда автоматические двери раздвинулись, сразу увидела мужчину, стоявшего к ней лицом. В первый момент она его не узнала.

– Лерочка? – взволнованно сказал мужчина, и тут она вспомнила его голос.

– Дядя Слава!

Ну конечно, это же дядя Слава, папин друг! Лера не видела его семь лет, с тех самых пор, как родителей не стало, но когда они были еще живы, трех дней не проходило, чтобы дядя Слава не пришел в гости. Надо же, как все обернулось! Знала бы она, что дядя Слава близок к Игорю Вильданову, давно бы уже познакомилась со своим прекрасным принцем. Во всяком случае, не сейчас, а еще два месяца назад, когда впервые увидела его и поняла: «Это он». Целых два месяца потеряно! Два месяца, шестьдесят восемь дней (она точно подсчитала) по двадцать четыре часа в сутки она мечтала о встрече с Ним и строила планы один невероятнее другого, как бы познакомиться с Ним и обратить на себя Его внимание.

Вблизи Вильданов оказался еще лучше, чем по телевизору. Леру окончательно покорила его обаятельная улыбка и негромкий ласковый голос. Она очень боялась, что знаменитый певец будет держаться с ней заносчиво и высокомерно, но ничего этого не произошло. Только дядя Слава все портил. «Лерочка, деточка…» Разговаривал с ней, как с маленьким ребенком. А она уже не

ребенок, она взрослая самостоятельная девушка, ей пятнадцать лет. Джульетта в ее возрасте замуж выходила. И Игорь вслед за дядей Славой смотрит на нее как на дитя малое, а вовсе не как на молодую женщину.

И вот уже три года, как она постоянно рядом с Игорем. Нет, живет она, конечно, у себя дома. Ни старая тетя Зина, ни ненавистный дед даже не догадывались, что она знакома со звездой отечественной эстрады, и не просто знакома, а вхожа к нему в дом. И бывает в этом доме по два-три раза в неделю. Сначала, первые два года, просто сидела тихонько в уголке и наблюдала за своим божеством, бегала в магазин, варила и подавала кофе, разговаривала с дядей Славой, отвечала на телефонные звонки, когда Игорь уходил или уезжал и просил «покараулить», если кто-то очень ему нужный выйдет на связь. Мыла посуду по утрам после бурных вечеринок (на сами вечеринки ее, разумеется, не приглашали), ездила по поручениям Игоря. Молча глотала слезы, встречая девушек, с которыми Игорь спал. Молча терпела его снисходительное «Киска», не понимая, как он может не видеть, что она его любит и что она лучше всех на свете, во всяком случае, лучше тех потаскух, с которыми он ложится в постель. Она – необыкновенная, и, наверное, Игорю просто нужно время, чтобы это понять. Лера терпеливо ждала и дождалась своего часа. Год назад это наконец произошло. Она еще училась в одиннадцатом классе, когда стала любовницей Игоря Вильданова.

Дядя Слава был в ужасе. Он, конечно, узнал об этом первым, потому что у него были ключи и от городской квартиры Игоря, и от его загородного дома, и он мог прийти когда угодно. Вот он и пришел, а Лера с Игорем в этот момент сидели в пенной ванне.

– Ты что, рехнулся? – орал дядя Слава. – Она же несовершеннолетняя! Под суд пойдешь!

– Не свисти, – лениво отозвался Игорь, поднимая руками огромную белоснежную шапку из пены и нахлобучивая ее на голову Леры, – теперь законы гуманные. Ей семнадцать, после шестнадцати она уже не малолетка и может трахаться с кем захочет. Если по доброй воле, конечно. Ты же по доброй воле, правда, Киска?

Лера смотрела на него сияющими от счастья глазами и умирала от восторга. Да, она не такая, как все. Вон их сколько, этих «всех», толпами за Игорем ходят, на каждом шагу караулят, а заметил и приблизил к себе он только ее одну.

Счастье, однако, было безмятежным лишь в первую неделю. Потому что уже дней через десять снова появились другие девицы. Кроме того, Игорь ездил на гастроли, и уж что он там себе позволял – можно было только догадываться. Не говоря уже о том, что ключей от своей квартиры он Лере давать не думал и категорически запрещал приходить без его разрешения. Она должна была сначала позвонить и спросить, можно ли ей прийти. И заветное «можно» в ответ она слышала далеко не всегда.

И все равно она его любила и была предана ему, как собака. Смотрела восторженно снизу вверх. Все сносила. Все терпела. Ибо знала: другие девицы дольше месяца у него не задерживаются, а с ней Игорь уже целый год. Значит, она не такая, как все. Она – особенная. И уже одним этим она была счастлива.

А потом случилась беда. И так вышло, что помочь Игорю могла только она, Лера. Сначала ей показалось, что все очень просто. Надо только спросить деда, и не просто спросить, а потребовать, чтобы он ответил. Но уже в следующий момент оказалось, что разговаривать с дедом так, как ей нужно, она теперь не может. Между дедом и внучкой выросла стена отчуждения, которую внучка сама же и возвела старательно и укрепляла каждый день. Дед теперь и пикнуть не смел, не говоря уж о вопросах типа «где ты была?», «куда ты идешь?» или «как учеба?». Они едва перебрасывались парой слов в день. Обычно дед робко спрашивал:

– Лерочка, тебе на ужин картошку поджарить или макароны сварить?

На что Лера грубо отвечала:

– Без разницы.

На этом их общение заканчивалось. И как теперь подходить к нему с вопросами? Сказать: «Дедушка, скажи, пожалуйста…» Нет, невозможно. Она никогда не обратится к нему ласково и никогда не скажет «пожалуйста». Он – ее враг на веки вечные, и возведенная Лерой стена держится только на ее молчании, грубости и жесткости, а если дать поблажку и пробить в этой стене брешь, то вся конструкция очень скоро рухнет и ненавистный отвратительный дед вообще на голову сядет. Нет, нет и нет.

И Лера решила обратиться к своему поклоннику Саше Барсукову, который с недавнего времени пытался за ней ухаживать. Саша пока еще только учится, но он будущий оперативник, будет работать в уголовном розыске, он уже сейчас носит звание рядового милиции. И пусть он только на втором курсе, но чему-то его, наверное, уже научили. Конечно, пришлось ложиться с ним в постель, нынче бескорыстных ухажеров не найдешь.

Но Саша погиб, так ничего и не узнав. Надо что-то предпринимать, что-то делать, чтобы помочь Игорю. Но как ему помочь?

Глава 3

Давно уже у Насти Каменской не было такого хорошего настроения. И дело даже не столько в том, что оно было хорошим, сколько в том, что оно было хорошим стабильно. То есть не портилось через полтора-два часа, а устойчиво держалось день за днем. И причин-то никаких особых для радости не было, а вот хорошим было состояние ее духа. И немалый вклад в поддержание душевного тонуса вносил новый сотрудник Павел Михайлович Дюжин.

Павел был, по Настиным представлениям, человеком абсолютно неправильным, в том смысле, что никак не соответствовал существовавшему в ее голове образу серьезного работника кадрового аппарата. Таких, как Дюжин, Настя называла «простой, как памятник». Или «как пряник». В первый же день знакомства капитан спросил:

– Слушай, это правда, что у тебя отец на кафедре оперативно-розыскной деятельности преподает?

– Не отец, а отчим, – осторожно поправила его Настя. – А что?

– Надо одному мужичку помочь, он как раз твоему родственнику в зимнюю сессию экзамен сдавать будет.

От такой простоты Настя даже оторопела. Ни разу за все годы работы никто не посмел обратиться к ней с подобной просьбой, хотя на Петровке было более чем

достаточно людей, учившихся в том же вузе, где работал Леонид Петрович. Одного раза, самого первого, оказалось достаточно, чтобы попытки добиться протекции прекратились навсегда. В тот самый первый раз к Насте «подъехал» начальник одного из отделов, хлопотал за сына. Она тогда ответила коротко и внятно:

– Не получится. Если ваш мальчик не знает основного предмета милицейской науки, вам самому должно быть стыдно. Сядьте и позанимайтесь с ним. Если не можете – присылайте сына ко мне, я подготовлю его к экзамену. А просить не буду.

Начальник тот обиделся и по всей Петровке рассказывал, какая эта Каменская сука. Было противно, но зато урок был усвоен накрепко. Больше никто получить оценку на экзамене таким способом не пытался.

Но капитан Дюжин на Петровке не работал, с Настей и ее коллегами знаком не был и на том печальном уроке не присутствовал. А потому счел делом вполне нормальным похлопотать за приятеля.

– А что, твой дружок хилый и убогий? – зло спросила она. – Предмет выучить не может?

– Да времени у него нет, – пустился в объяснения Дюжин. – Он же на вечернем, работает как лошадь. Когда ему учить-то?

– Он же мужик. Пусть упрется и выучит.

– Ну не может он. Запарка жуткая, ни минуты свободной.

– И все равно – нет, – твердо сказала Настя.

– Да почему же?

На лице у капитана было написано неподдельное изумление, словно он ожидал чего угодно, только не отказа. Он готов был выслушать уточняющие вопросы, например, фамилию его товарища, номер группы и дату экзамена, готов был к тому, что ему назовут условия в виде денежной суммы или некоторого набора

услуг, короче, Павел Михайлович Дюжин готов был к чему угодно, только не к этому категорическому «нет» без всяких объяснений и оправданий.

– Ни почему, – пожала плечами Каменская. – Нет – и все. Я никогда этого не делала раньше, не буду делать и сейчас.

– А почему не делала? – с искренним любопытством спросил Павел. – У тебя с отчимом в отношениях напряженка?

От такой наглости Настя буквально обомлела. Первый день знакомы, а он не только с просьбами пристает, но еще и в семейную жизнь лезет.

– Объясняю тебе, Паша, если ты сам не понимаешь, – спокойно сказала она. – Основной предмет не знать стыдно. Это неприлично. Человек, который собирается профессионально бороться с преступностью, не имеет права не знать предмет, который называется «оперативно-розыскная деятельность». Впрочем, он обязан равным образом знать и все остальные предметы. Знаешь, чем отличается сыщик от врача или инженера? Инженер или врач имеют полное право не знать подробностей восстания под предводительством Спартака или дату первого заседания Генеральных штатов, это не повлияет ни на способность правильно ставить диагноз и назначать лечение, ни на надежность конструкций. А сыщик должен уметь втереться в любую среду, он должен быть способен поддержать разговор с любым собеседником и завоевать его расположение. И никогда не знаешь, кого тебе завтра придется «раскручивать»: философа, историка, бомжа, писателя, музыканта, физика-ядерщика или священника. Поэтому, кстати, если бы мой отчим преподавал культурологию или религиоведение, я бы все равно его просить не стала. Еще вопросы есть?

– Есть, – весело откликнулся Дюжин. В его голосе Настя не уловила ни малейших признаков обиды. – А ты сама знаешь про эти Генеральные штаты или твои высокие требования распространяются только на других?

– Генеральные штаты были в 1302 году. Про Спартака рассказать или не надо?

– Понял, – мгновенно отреагировал Павел. – Все вопросы снимаются. Значит, насчет экзаменов к тебе на кривой козе не подъедешь. А что с тебя можно поиметь?

– В каком смысле? – не поняла Настя.

– В смысле твоих возможностей. Может, у тебя знакомства в медицинском мире есть или в посольствах каких-нибудь насчет виз?

Она расхохоталась. Простота и прямолинейность капитана Дюжина внезапно перестали ее злить, ибо были такими непосредственными и открытыми, что сердиться было невозможно.

– Паша, с меня взять ровным счетом нечего, – сказала она, улыбаясь. – Вот такая я неудалая. Так что извини.

– Ну это ты загнула, – уверенно заявил он. – Так не бывает. У каждого человека есть связи и знакомства, другое дело, что многие их не ценят, потому что сами не пользуются. У тебя муж есть?

– Утром был, кажется, – пошутила Настя.

– Он у тебя кто?

– Математик.

– Вот видишь, значит, может помочь с репетиторством каким-нибудь балбесам.

– Пашенька, мой муж репетиторством не занимается, у него других забот полно.

– Ничего, деньги будут нужны – займется. Про отчима твоего я уже понял. А матушка твоя?

– Матушка – лингвист, специалист по разработке методик обучения иностранным языкам.

– Тоже потенциальный репетитор, – удовлетворенно кивнул Дюжин. – А ты говоришь! Братья-сестры есть?

– Родных нет.

– А двоюродные?

– Есть сводный брат, сын моего отца от второго брака.

– Он кто?

– Банкир.

– О! И ты мне после этого будешь утверждать…

– Все, Паша, уймись, – засмеялась Настя. – Я рассказываю тебе о своей семье вовсе не для того, чтобы ты делал далеко идущие выводы. Просто у тебя, как у любого нормального кадровика, информационный зуд, тебе хочется узнать обо мне побольше, а доступа к личному делу у тебя теперь нет. Я интеллигентно пошла тебе навстречу, чтобы ты не нервничал. Так что с меня ты можешь поиметь только одно: я попытаюсь научить тебя азам аналитической работы. Больше от меня все равно никакого толку.

– Ладно, – легко согласился капитан, – тогда пошли учиться.

Этот разговор происходил в кабинете, где сидел Дюжин. Поскольку, кроме самого капитана, там размещались еще трое сотрудников, то процесс совместной работы, естественно, должен был происходить в кабинете у Насти: ей как главному эксперту-консультанту полагалось отдельное помещение. И вот тут капитан Дюжин поразил Настю еще больше. Просто-таки сразил ее наповал, причем куда радикальнее, чем своей непосредственностью и пряничной простотой.

Едва переступив порог ее кабинета, Павел поежился, несколько раз резко втянул носом воздух, потом повернулся к двери.

– Я сейчас вернусь, – бросил он, выскакивая в коридор.

Вернулся он через несколько минут. Войдя, плотно прикрыл дверь, поискал глазами ключи, торчащие с внутренней стороны, и запер замок.

– Зачем? – спросила Настя, которой этот жест крайне не понравился, ибо заставлял предполагать самое неприятное и ненужное: совместное распитие в честь знакомства.

– Погоди, сейчас увидишь.

Павел достал из кармана тонкую церковную свечу и коробок спичек. Едва вспыхнув, пламя задергалось в разные стороны, свеча начала потрескивать и коптить.

– Я так и чуял, – он покачал головой. – У тебя здесь плохо. Видишь, как свеча коптит? Здесь поле плохое.

– А где хорошее? – насмешливо спросила Настя, наблюдая за этим непонятным ей спектаклем.

– Там, где пламя ровное и по форме похоже на перевернутую каплю. Но ты не беспокойся, это все можно поправить. Святая вода есть?

– Что?!

– Понятно. Темнота ты, Настя. А туда же: опер все должен знать и уметь поддержать беседу на любую тему. Только рассуждать горазда, а основ нормальной жизни не знаешь.

– Слушай, Павел, прекрати, пожалуйста, устраивать здесь цирк, – сердито сказала она. – Нам работать надо.

– Никуда твоя работа не денется. А, кстати, работать в такой атмосфере очень вредно. Я вообще не понимаю, как у тебя голова может что-то соображать в этой комнате. Надо срочно принять меры.

– Какие, например?

– Самое первое – побрызгать все углы святой водой. Потом носить свечу по всему помещению и ждать, пока пламя выжжет все зло, которое здесь скопилось. А если уж не поможет, тогда придется рамочку принести. Учти, пока свеча не

перестанет коптить и пламя не станет ровным, я здесь работать не буду.

– Значит, так, Дюжин, – жестко произнесла Настя. – Святой воды у меня нет, и ходить по комнате со свечой в руках я не стану. Никаких рамочек приносить не надо. Каждый человек имеет право на своих тараканов в голове, и отказать тебе в этом праве я не могу. Но не пытайся, будь добр, переселить своих тараканов в мою голову. У меня своих достаточно.

– Но свеча же коптит, – упрямо возразил Павел. – Это неспроста. Она не должна коптить. И пламя неровное.

– Здесь сквозняк.

– Здесь нет сквозняка, окно закрыто, и дверь заперта.

– Значит, воск недостаточно чистый.

– Но в другом помещении она не коптила и пламя было ровным. Воск тут ни при чем. Нет, ты только посмотри, ну посмотри, что делается! И трещит! Может, ты злая?

– Я?

От неожиданности Настя растерялась и даже забыла, что собиралась включить кипятильник, чтобы сделать кофе.

– Ты, ты. Может быть, само помещение нормальное, просто твоя злоба дает такое поле.

– Все, хватит! – взорвалась она. – Мне это надоело! Немедленно загаси свечу, и начнем работать.

– Ну пожалуйста…

Голос капитана вдруг стал жалобным и очень серьезным. Он так и стоял перед ней, стройный, в ладно сидящей на нем форме зеленовато-коричневого цвета (ибо был капитаном не милиции, а внутренней службы), с грустными глазами и

свечой в руке. Вид у него был совершенно дурацкий, но Насте почему-то не было смешно. Наверное, от злости.

– Ты можешь не верить, это твое дело, – тихо сказал Дюжин. – Но позволь мне сделать так, как я считаю нужным. Иначе я не смогу работать в этом помещении.

Злость ее неожиданно прошла, ей даже стало отчего-то жалко Павла.

– Ладно, делай как знаешь, – махнула Настя рукой. – Только тихо, не мешай мне.

Она налила себе большую чашку кофе и погрузилась в составление рабочей программы, которую к вечеру собиралась доложить Заточному. Дюжин куда-то уходил, возвращался, бродил по комнате то со свечой, то с бутылочкой, брызгая по углам водой. За окном быстро смеркалось, и единственная фраза, которую Настя произнесла за все время, была:

– Зажги свет, пожалуйста.

Прошло еще какое-то время, и наконец Дюжин возвестил:

– Все. Теперь можно жить. Смотри, какое пламя ровное. Не коптит и не трещит.

Настя подняла голову и посмотрела на свечу. Пламя и в самом деле было ровным, похожим на перевернутую каплю. Наверное, этому есть какое-то объяснение, но сейчас ее больше всего интересовала работа, которую поручил ей Заточный. Она не сердилась на капитана, но и объяснять ему смысл задания ей отчего-то расхотелось. Может, он и славный парень, но, как говорится, хороший человек – это не профессия.

– Уже шестой час, – сказала она Дюжину, снова утыкаясь в свои схемы, – давай начнем завтра.

– Давай, – охотно подхватил Павел и тут же убежал.

Вечером, докладывая Заточному программу, она все-таки набралась храбрости и спросила:

– Иван Алексеевич, у Дюжина с головой все в порядке?

– А в чем дело? Он плохо соображает?

– Пока не знаю, – призналась Настя, – на сообразительность я его еще не проверяла. Но тараканов у него в голове море. Поля какие-то, аура, свечи, святая вода… Сегодня я терпела, но завтра могу и взорваться. Не боитесь?

Заточный улыбнулся, откинулся в кресле и привычным легким жестом погладил пальцами виски.

– Вам придется терпеть это и дальше, Анастасия. Мне характеризовали Дюжина как толкового парня, но предупреждали, что он не без особенностей.

– Вот даже как?

– Не беспокойтесь, он не сумасшедший. С психикой у него все в полном порядке. Просто он от природы очень чувствителен ко всяким полям, так мне объясняли врачи. Я ведь консультировался с ними, прежде чем взять его к нам на работу. Есть такие люди, и их, кстати, вовсе не мало, которые остро чувствуют поля. Говорят же, что спать человеку лучше в строго определенном положении, головой на север или на запад, я уж не помню куда. Большинство из нас отлично спит там, где кровать стоит, и на все эти тонкости внимания не обращает. Но есть ведь люди, которые не могут спать, если положение неправильное. Короче, Анастасия, постарайтесь не обращать внимания на чудачества нашего капитана. Ваше дело – обучить его аналитической работе. Вот если он окажется к этому не способен, тогда будем думать, что с ним делать.

Нельзя сказать, что Настю это хоть в какой-то мере успокоило. Заточному хорошо говорить: он не псих, а на остальное внимания не обращайте. С этим «остальным» ежедневно придется иметь дело именно ей, а не генералу. И терпеть это, и мириться. И, самое главное, не злиться и не раздражаться.

Однако против ожидания чудачества капитана Дюжина Настю из себя не выводили. Хоть и было их немало, чудачеств этих, но Павел совершенно обезоруживал ее своей открытостью и веселым настроением. Более того, она ужасно удивилась, когда прислушалась к себе и внезапно обнаружила, что

подсознательно пытается припомнить все, что когда-либо слышала или читала про биополя и про особо чувствительных к ним людей. Никаких систематизированных знаний в ее голове, конечно, не было, ибо проблемой Настя никогда специально не интересовалась, но из глубин памяти то и дело всплывали биопатогенные зоны и полосы, которые «есть проявление единой субстанции, пронизывающей всю Вселенную». Ей даже, хоть и не без труда, удалось вспомнить название книги, в которой об этом написано: «Космос и здоровье». Книга попалась ей случайно, и Настя бездумно листала ее минут сорок, пока ждала кого-то. Там же было написано и про Г-образные индикаторы, и про сетки полос Карри, и про многое другое, что в тот момент показалось ей ненужным, неинтересным и бездоказательным. Однако теперь, наблюдая за Павлом, она все чаще склонялась к мысли о том, что не могут люди, занимающиеся этой проблемой, все поголовно быть полными идиотами, а если ей, грубой материалистке, их наука кажется шарлатанством, то, может быть, дело не в науке, которая ей не нравится, а в ней самой, в ее незнании, в зашоренном мышлении?

Настя с детства (разумеется, под влиянием мамы и отчима) накрепко усвоила простую истину: если она о чем-то не знает, это совершенно не означает, что «этого» нет и быть не может. Поэтому ей всегда было смешно и немножко даже противно, когда приходилось выслушивать от кого-нибудь фразы типа:

– Этого не может быть. Я ничего об этом не слышал.

Подобные аргументы казались ей сродни знаменитому чеховскому «этого не может быть, потому что не может быть никогда». Она хорошо помнила презрительное недоумение следователя, которому передавала материалы по группе Сауляка. Сауляк и его люди использовали методы нейролингвистического программирования, выполняя заказы высокопоставленных чиновников, стремившихся убрать политических конкурентов. Следователь об этом методе никогда не слышал и счел Настины материалы полным бредом, о чем и не замедлил ей сообщить. А когда разразился скандал с врачом из Новосибирска, использовавшим в числе других и этот метод в весьма неблаговидных целях, недоверчивого следователя Генеральная прокуратура включила в состав бригады, занимавшейся этим делом. Настя до сих пор не могла без улыбки представлять себе его мину, которая должна была бы исказить строгое лицо. Она и сама до столкновения с Сауляком не слышала о нейролингвистическом программировании. Ну и что из этого? Обратилась к специалистам и все выяснила. Оказалось, даже в Научно-

исследовательском институте МВД России этой проблемой занимаются. Так что никакой псевдонаучной фантастики.

Неистребимое внимание Павла Михайловича Дюжина к биопатогенным зонам Настя, таким образом, стала воспринимать абсолютно спокойно, как только сказала себе, что незнание – не аргумент. И причина ее хорошего настроения была отнюдь не в этом, хотя первый толчок был дан, конечно же, капитаном. Она вдруг поняла истину настолько простую, что даже стыдно говорить. Эту истину знают все. Но знают как-то объективно, отстраненно, словно со стороны, не применяя ее к себе и не преломляя через собственное сознание. А истина действительно оказалась до чрезвычайности проста: все люди разные. И хотя вряд ли найдется человек, который будет с этим спорить, очень мало на свете людей, которые этой истиной руководствуются. Как-то так получается, что идею все признают, но почти никто ей не следует. А ведь если истину эту простую пропустить через себя и сделать частью своего миропонимания, то моментально изменяется все восприятие окружающей действительности. И многое становится не только понятным до полной прозрачности, но и смешным. И вот это смешное так веселило и развлекало Анастасию Каменскую, что настроение у нее было неизменно приподнятым.

Вопреки ее опасениям Павел Дюжин оказался человеком способным, и хотя сам никаких оригинальных идей не продуцировал, он по крайней мере понимал то, что объясняла ему Настя. Понимал легко, почти всегда с полуслова, и работа с ним доставляла удовольствие. Как обычно случается, частное задание выяснить, не является ли сын генерала Заточного объектом интереса преступников, быстро превратилось в обширную программу исследования «чистоты» милицейских вузов Москвы. А вузов этих три, не считая академии. Так что работа предстояла большая и кропотливая. С одной стороны, слушатели: кто такие, чьи дети и племянники, кем направлены на учебу, каковы результаты психологического тестирования, и если результаты были неудовлетворительными, а человек все-таки учится… И так далее. С другой стороны, преподаватели. С третьей, финансово-хозяйственная деятельность вуза. Особое внимание – внебюджетным средствам. Откуда они берутся, кто выступает спонсорами. У кого закупаются продукты для столовой, оборудование для компьютерных классов, технические средства. Направлений – море, и понятно, что Настя вдвоем с бравым капитаном Дюжиным сделать почти ничего не смогут. Но это и не их задача. Им поручено составить развернутую программу, выполнять же ее будут другие сотрудники. Зато результаты их работы обобщать и анализировать придется все-таки Насте и Павлу.

– А это что? – спрашивал Павел, глядя, как Настя быстро набирает на компьютере какой-то текст, больше похожий на анкету.

– Это подсобный материал для тех, кто будет собирать информацию, – объясняла она терпеливо. – Чтобы им не пришлось держать в голове все вопросы, на которые нужно получить ответы, они при изучении личных дел учащихся будут заполнять анкету. Очень удобно. И нам потом анализировать будет проще. Введем данные в компьютер, он все посчитает, и получим наглядную картинку.

– Ну-ка дай глянуть.

Настя вернула текст в начало и отодвинулась, давая Дюжину возможность смотреть на экран. Павел быстро пробежал глазами пронумерованные пункты, потянулся к «мыши» и подвел стрелку к одной из цифр.

– Я бы сюда добавил юридическую историю фирмы. Нам ведь важно не только название организации, в которой работают родители слушателей, но и откуда она взялась. Слияния там всякие, разделения, переименования, дочерние фирмы.

– Верно, – кивнула Настя, – дело говоришь. Еще какие соображения?

– Соображений больше нет, остались только вопросы.

– Ну задавай.

Павел спрашивал, она отвечала подробно, не раздражаясь, ибо понимала, что должна его учить. Дай бог каждому учителю таких учеников, как капитан Дюжин, грех ей жаловаться, мало того что мозги у Павла хорошо организованы, ему еще и интересно то, что они делают. Если бы только не его причуды…

Каждый раз на этом месте Настя улыбалась и останавливала себя. Ну что ей его причуды? Мешают работать? Нет. Несовместимы со званием офицера? Тоже нет. Надо же, как глубоко въедаются в голову стереотипы: офицер милиции должен быть эталоном нормальности. Да кто ее придумал, нормальность эту? Норма – это наиболее распространенная характеристика, то, что распространено

меньше, считается «не нормой», но кто сказал, что «не норма» – это плохо? В норме у светловолосых людей должны быть голубые или серые глаза, реже встречаются зеленые, еще реже – карие, но у кого повернется язык заявить, что кареглазая блондинка – это некрасиво? Практика показывает, что как раз кареглазые блондинки считаются более эффектными и пользуются большим успехом у мужчин. Вот тебе и «не норма».

И точно так же каждый раз на этом самом месте Павел настороженно спрашивал:

– Чего ты смеешься? Я глупости говорю, да? Выгляжу в твоих глазах дураком?

– Ну что ты, Паша, – торопливо отвечала она. – Это я так, мыслям своим улыбаюсь. Настроение хорошее.

* * *

Опрос деда Немчинова Коротков провел в первые же дни после убийства Саши Барсукова, но глубоко не копал. Он был согласен с Настей: если дед замешан в убийстве внучкиного ухажера, то пугать его нельзя. Пока он не чует опасности, никуда не денется.

Навестить Леру Немчинову Настя решила тогда, когда Василия Петровича не будет дома. Надо своими глазами посмотреть, что это за девица, а уж потом подумать, как подбираться к ее дедушке.

Легенду она придумала незатейливую, но практически «непробиваемую». Настя знала, что в том институте, где учился Барсуков, заместителем начальника одного из факультетов работала женщина. Вот ею-то она и решила представиться. Даже если Александр и рассказывал о ней, то фотографию уж наверняка не показывал, а описанию – высокая блондинка лет под сорок – Настя вполне соответствовала. Только имя надо сменить, потому что имя начальницы Саша мог и назвать.

Квартира Немчиновых сверкала стерильной чистотой, и это отчего-то сразу не понравилось. Хотя что плохого в чистоте? Через две минуты Настя поняла: в этой стерильности не было уюта. Как будто живут здесь люди, каждый из

которых поставил перед собой сверхзадачу не оставлять ни единой соринки, дабы не давать повода другому сделать замечание. Вынужденный порядок – вот точное определение.

– Какой у вас порядок, – заметила она, проходя в комнату. – Это ты такая хорошая хозяйка?

Лера не ответила. Она молча смотрела на Настю красиво подведенными глазами, и в глазах этих Настя не увидела ни страдания (все-таки близкий человек погиб), ни тоски, ни злости. В них не было ничего, разве что капелька раздражения плескалась и таяла в глубокой синеве.

– Меня зовут Александра Васильевна, я заместитель начальника факультета, где учился Саша Барсуков. Могу я задать тебе несколько вопросов?

– О чем? – холодно спросила Лера. – Меня уже допрашивали несколько раз, я даже к следователю ездила.

– Тебя допрашивали в связи с убийством, а у меня другие вопросы.

– Я ничего не знаю, – быстро ответила девушка. – Все, что я знала, я уже рассказала, ничего нового вы не услышите.

– Погоди, – остановила ее Настя, – я хотела спросить о другом. Видишь ли, Саша был в своей учебной группе ответственным за приобретение учебников и пособий. Все ребята сдавали ему деньги, а он потом покупал книги для всех. За два дня до гибели он собирал деньги на двухтомник учебника по уголовному праву. По шестьдесят тысяч с человека. Учебники купить Саша не успел, но в милиции мне сказали, что денег при нем не было. То есть были, конечно, какие-то деньги, но, вероятно, его собственные. Тысяч двести или триста. А на учебники было сдано почти два миллиона. Ты не знаешь, где эти деньги?

– Вы что, думаете, я их украла? – вспыхнула Лера. – Может, вы думаете, это я Сашу убила? Конечно, я убила, чтобы деньги взять. Давайте, зовите следователя или кого там полагается звать в таких случаях. Да как вы смеете!

– Стоп, стоп. – Настя подняла руку в примирительном жесте. – Никто тебя ни в чем не обвиняет, но поскольку ты дружила с Сашей и виделась с ним почти каждый день, то, может быть, ты знаешь, куда он девал эти деньги. Может быть, он купил подарок, например, тебе или еще кому-нибудь. Может, потерял или проиграл в моментальную лотерею. Но в любом случае, я уверена, он сказал бы тебе об этом. Вспомни, пожалуйста.

Девушка рассерженно отвернулась, но уже через несколько секунд взяла себя в руки. Теперь она снова смотрела на Настю спокойно и холодно.

– Я ничего не знаю ни о каких деньгах, – сказала она. – Саша не делал мне подарков.

– Как? Даже цветы не дарил?

– Нет.

– Почему?

– Он никогда цветы не дарил.

– А конфеты? Косметику? Может быть, диски, кассеты?

– Нет. Он был не по этой части. Даже представить себе не могу, – Лера слегка улыбнулась, – чтобы Саша что-нибудь принес мне в подарок. Он был совсем еще ребенок. Ухаживать толком не умел.

– Он младше тебя? – поинтересовалась Настя.

– Старше на год.

Понятно, подумала Настя. Девочка считает себя ужасно взрослой и умудренной опытом, а Саша Барсуков рядом с ней был просто сосунком. Ну и зачем, спрашивается в задачке, она с ним общалась? Можно было бы допустить, что девушка идет на подобный «мезальянс» от отчаяния. На безрыбье, как говорится… Можно было бы, если бы Лера была дурнушкой. Но она ведь хороша собой, и трудно поверить, что у нее недостаток поклонников. В очереди небось

стоят за ее улыбкой. Так зачем же ей Саша Барсуков, который совсем еще ребенок и ухаживать толком не умел? Однако вряд ли уместно углублять это направление расспросов, хотя и очень хочется. Она – Александра Васильевна, подполковник милиции, пришла узнать насчет слушательских денег, собранных на учебники. Вот об этом и надо разговаривать.

– Лера, припомни, пожалуйста, не говорил ли Саша, что у кого-то из его друзей день рождения или какой-нибудь праздник.

– Не говорил, – тут же ответила Лера, не задумавшись ни на секунду.

– Но ты даже не пыталась вспомнить, – заметила Настя. – Я понимаю, ты хочешь, чтобы я побыстрее от тебя отстала, но я ведь пришла к тебе не ради развлечения. Мальчики сдали деньги, для них это очень большие деньги, и они должны понимать, получат ли свои учебники в конце концов или деньги пропали окончательно и нужно снова их собирать.

Лера немного помолчала, глядя в окно.

– Мне нечего вспоминать. Саша никогда не говорил со мной о своих друзьях. Совсем не говорил. Никогда. Вам понятно?

– Господи, ну что ты злишься? – Настя решила поиграть в квохчущую наседку. – Что я такого особенного спросила? Если парень встречается с девушкой, то совершенно естественно, что они разговаривают о своих близких, друзьях, родственниках. О чем же им еще говорить?

– А вы, конечно, думаете, что больше разговаривать не о чем, – презрительно бросила Лера. – У парня и девушки нет ни души, ни сердца, ни вкусов, ни интересов. Они только и могут говорить о людях, которые их окружают. Вы, старики, только себя считаете умными, а у тех, кто моложе вас, вообще мозгов нет.

Настя с трудом сдержалась, чтобы не улыбнуться. Девочка легко попадается даже на такую простенькую провокацию. Похоже, она сильно комплексует из-за своей юности, вернее, из-за того, что люди, которые ей интересны, считают ее еще маленькой. Она, разумеется, уже совсем взрослая и хочет, чтобы к ней относились соответственно. А ее отчего-то всерьез не принимают. Да, но при

такой постановке вопроса ей уж точно нечего делать в обществе такого невзрослого Саши Барсукова. Она должна тянуться к мужчинам постарше, но мужчины эти, вероятнее всего, не ценят ее взрослости, отсюда и так легко выплескивающееся раздражение. Забавная девица… Нельзя быть к ней строгой, все-таки она пережила страшную трагедию, потеряв одновременно обоих родителей, да еще и деда. Деда, который виноват в ее несчастьях, который перестал быть ее любимым дедушкой и с которым ей теперь приходится жить бок о бок. При такой судьбе допустимы любые странности характера. Ладно, возвращаемся к основной теме беседы.

– И все-таки, Лера, подумай, куда могли деться деньги. Почти два миллиона. Саша не покупал в последние дни какие-нибудь кассеты, книги, одежду? Ну пожалуйста, постарайся мне помочь. Пойми меня, я сейчас вернусь в институт, а возле моего кабинета стоят тридцать парней и девушек и ждут, что я привезу им их деньги. Не у каждого из них есть папа с мамой, у которых можно снова попросить эти шестьдесят тысяч. Многие поступают в наш институт от бедности, потому что стипендия больше, чем в гражданском вузе, и форма бесплатная, так что на одежду в течение четырех лет можно тратиться минимально. Для таких ребят потерять шестьдесят тысяч – это катастрофа. И что мне им сказать? Что Лера Немчинова отказывается мне помочь, потому что она не в настроении? Лера Немчинова не знает, что такое проблемы с деньгами, поэтому ей наплевать на ваши жалкие тысячи?

Настя говорила почти автоматически, не задумываясь над словами. Сотни раз она проводила такие вот беседы, пытаясь «выудить» у опрашиваемого нужную информацию и забрасывая его при этом ворохом ничего не значащих и даже откровенно демагогических тирад. Ей не очень-то и нужны были сведения о финансовых делах Саши Барсукова, его убийством занимались ребята из ее бывшего отдела, а уж они своего не упустят и эту версию наверняка отработали. Ей нужен был дед Леры Немчиновой. Ей нужно было выяснить только одно: не пытался ли Василий Петрович втянуть Сашу в уголовные штучки, и если пытался, то была ли это собственная, так сказать, единичная инициатива деда (и тогда пусть этим продолжает заниматься Юра Коротков с командой) или же это было частью, одним маленьким элементом, одной крохотной ячейкой широкой сети, забрасываемой хорошо организованными преступниками в воды милицейской среды с целью вытащить и поставить себе на службу молоденьких и жадных до денег милиционеров. Вся комбинация с Лерой была затеяна для того лишь, чтобы вывести ее на разговор о деньгах, следом – на бюджет ее семьи, а далее, плавно и естественно, – на деда. Первый шаг в этом направлении был сделан, Настя подвела ситуацию к небрежно брошенной фразе о том, что

девушка не знает проблем с деньгами. Посмотрим, как дело дальше повернется.

В ответ на «гневный» выпад Лера окатила Настю взглядом, полным презрения.

– Вы не имеете права так со мной разговаривать. Да, у меня есть деньги, и я могу жить, ни в чем себе не отказывая, но я слишком дорого за это заплатила. Я бы предпочла жить куда более скромно, но не быть сиротой.

Теперь она смотрела на гостью с вызовом и нетерпеливым ожиданием. «Конечно, – подумала Настя, – девочка ждет вопросов, отвечая на которые она могла бы поставить меня, старую и никчемную, на место. Она расскажет мне о своей трагедии и будет с удовольствием наблюдать, как я корчусь в муках неловкости и стыда за свою бестактность. Она – такая несчастная, такая страдающая, такая непонятая, а я посмела ее в чем-то упрекать. Ай-яй-яй, как некрасиво…»

– Да бог с тобой, Лера, – произнесла Настя удивленно-примирительно, – ну что же ты все время сердишься? Я совсем не хотела тебя обидеть, поверь мне. Меня беспокоят мои слушатели, поэтому я, может быть, излишне эмоционально высказываюсь. Извини, если мои слова тебя задели. Кстати, будет очень нескромным, если я спрошу, откуда у тебя деньги, на которые ты живешь, ни в чем себе не отказывая?

Лера чуть заметно улыбнулась, и Настя поняла, что просчитала ситуацию правильно. Девушка ждала этого вопроса и горит желанием на него ответить. Ответ, собственно говоря, Настя прекрасно знала и без нее, но это был необходимый шаг на пути к заветной теме – Лериному деду. Придется потерпеть и выслушать.

– Вы, вероятно, не знаете, – начала Лера с нескрываемой гордостью, – что я дочь известного композитора Геннадия Немчинова…

Настя слушала вполуха, только чтобы не потерять нить беседы. Ничего нового Лера не рассказывала, все это было известно еще несколько дней назад. Пожилая родственница Немчиновых оформила опекунство над малолетней дочерью погибших и все годы, что они прожили вместе, исправно пользовалась счетами в Сбербанке, на которые постоянно начислялись авторские гонорары за исполнение песен отца Леры. Деньги были немалые, песен за свою жизнь

Геннадий Немчинов написал великое множество, и подавляющее большинство из них в свое время были хитами. Потом наступил период затишья, в эстраде мода меняется быстро, о Немчинове забыли, но старых финансовых запасов пока хватало, благо родственница-опекунша тратила деньги аккуратно и с умом. А затем денежки снова «закапали» на счет, мода сделала очередной виток, и новое поколение исполнителей вернулось к почти забытым мелодичным и грустным песням. Точнее, исполнитель был только один – Игорь Вильданов, но он на сегодняшний день пользовался такой бешеной популярностью, что песни Геннадия Немчинова в его исполнении звучали на всех радиоволнах и по всем телеканалам, не говоря уж о концертах.

Делая вид, что внимательно слушает, Настя исподволь разглядывала комнату и наблюдала за юной хозяйкой. Какое-то несоответствие во всем… Красивая, бесспорно красивая девушка и явно неглупая. И не нищая, одета модно и недешево, в ушах золотые сережки с жемчугом, маленькие, но изящные, свидетельствующие о прекрасном вкусе, на пальце оригинальной работы кольцо с белым камнем. Вероятно, с фианитом, если бы это был бриллиант, то цена ему была бы почти запредельная. Такая девушка должна бы пользоваться несомненным успехом у молодых людей, среди которых могла выбрать того, кто ей придется по душе. Она считает себя совсем взрослой, и наверняка у нее есть и желание, и возможность проводить время с парнем постарше. Но почему-то Саша Барсуков. Почему-то она отдала предпочтение ему, а сейчас старается сделать вид, что это был вообще-то мезальянс и Саша ей совершенно не нравился. Ухаживать, видите ли, не умел. Ну и что? Выгнала бы к чертовой матери. Но ведь не выгнала. А на похороны не пошла, Коротков там был, отслеживал возможные связи, а Леры не было. Не пришла Лерочка проститься со своим другом-ухажером, словно бы вздохнула с облегчением, как вздыхают люди, когда незваный и засидевшийся сверх приличного гость наконец уходит. Хороший тон требует, чтобы гостя провожали до лифта, но в таких случаях хозяева нетерпеливо подают уходящему пальто и быстро захлопывают за ним дверь, чтобы он, не дай бог, не завел разговор еще о чем-нибудь. Незваный и навязчивый гость. Незваный и навязчивый Саша Барсуков. Или навязанный? Например, дедом Леры… Ведь говорил же Юра Коротков, что Василий Петрович Сашу привечал и всячески подчеркивал, что это хорошая компания для его внучки.

А что? Версия, вполне пригодная для дальнейшей проработки. Василий Петрович Немчинов контактирует с рядовым милиции Александром Барсуковым, но для того, чтобы их встречи не бросались в глаза, подстраивает знакомство Саши со своей внучкой. Да, юноша ходит в этот дом, но ведь не к уголовнику же

Немчинову он ходит, он за внучкой его ухаживает, а о том, что ее дедушка – убийца, отсидевший девять лет в колонии усиленного режима, мальчик и знать не знал. Лера ему об этом не говорила, стеснялась, что вполне понятно, а с дедом Саша и вовсе не общался. Что ему дед? Он же не за ним ухаживает. И к деду не прицепишься, и с Саши взятки гладки.

Или другой вариант. Дед только еще подбирался к Барсукову. Устроил знакомство парня с Лерой и терпеливо ждал, пока он прикипит к дому. Ждал, когда Саша созреет для доверия к деду своей возлюбленной, и тогда уж потихоньку начал бы прибирать милиционера к рукам. Тоже подходящая версия, но она отражает только последствия, а Настю интересует первопричина: зачем Василий Петрович это делал? Сам, по собственной инициативе, для каких-то своих темных дел, или по чьему-то поручению, для кого-то? К сожалению, Лера этого знать не может, надо подбираться к деду. Но как? Можно было бы и Лере задать множество вопросов, можно было бы, да нельзя. Кто такая Настя? Александра Васильевна, заместитель начальника факультета, где учился погибший юноша, пришла насчет пропавших денег. Разве может она на голубом глазу спрашивать, где и при каких обстоятельствах Лера Немчинова познакомилась с Сашей Барсуковым? Бывал ли Саша у них дома, когда в квартире был дед, но не было самой Леры? Да много всякого можно было бы спросить, будь Настя сотрудником уголовного розыска. Но она, увы, таковым не является ни по легенде, ни по официальным документам. По документам она эксперт-консультант, по легенде – сотрудник вуза. И объяснить свой интерес к деталям личной жизни Леры Немчиновой так, чтобы это было правдоподобно и не спугнуло деда, узнай он о содержании их беседы, ну просто никак невозможно.

– Какое у тебя красивое кольцо, – внезапно сказала Настя. – Можно взглянуть поближе?

Это было так по-женски – прервать скорбный рассказ собеседницы, чтобы поинтересоваться любопытной побрякушкой. Лера удивленно замолчала и протянула руку через стол. Настя буквально впилась глазами в камень, играющий радужными бликами под ярким светом люстры. Ну надо же… Чего только не бывает на свете!

Глава 4

Зотов с досадой отшвырнул ногой темно-синюю майку с аляпистой аппликацией, валявшуюся на полу прямо посреди прихожей. Из комнаты доносился звук магнитофона с музыкальным сопровождением новой песни. Игорь репетировал «образ».

– Опять у тебя бардак! – сердито прокричал Зотов, приоткрыв дверь в комнату. – Шмотки по всей квартире на полу валяются.

Игорь Вильданов стоял перед зеркалом, внимательно всматриваясь в свое отражение и подыскивая позу, наиболее подходящую для завершающих аккордов песни. Обернувшись на голос Зотова, он весело улыбнулся и махнул рукой.

– Ладно, не ори, Лерка придет – уберется. И вообще – привет. Хоть бы поздоровался для начала, вместо того чтобы орать прямо с порога. Кассету принес?

– Принес, – кивнул Вячеслав Олегович. – На, посмотри, как мастера работают. Учись, пока есть у кого.

– Ой, да уймись ты со своими нравоучениями. – Игорь скорчил ему рожу. – Я сам мастер, пусть у меня учатся.

Зотов вздохнул и молча вставил кассету в видеомагнитофон. Самомнения у мальчишки – на роту солдат хватит. Но и талант у него – дай бог каждому. Еще бы мозгов хоть самую малость, так цены бы Игорьку не было. И почему природа раздает свои милости так неразборчиво? Зачем этому клиническому дураку такой талантище? Зачем ему такая феноменальная музыкальность и потрясающий артистизм? Он же в обычной жизни двух слов связать не может, и если им постоянно не руководить, так и двух шагов не пройдет, чтобы не споткнуться и не наделать глупостей. Одно слово – дурак.

На экране появился известный американский певец. Когда-то давно он был любимцем публики, ибо обладал, помимо голоса, еще и смазливой мордашкой. С годами он раздался и теперь весил никак не меньше полутора центнеров, однако концертную деятельность не прекратил, его выступления по-прежнему собирали толпы поклонников. Тучность не позволяла ему сопровождать свои

песни пританцовыванием и страстным размахиванием руками, он не хотел выглядеть смешным, и пришлось принципиально сменить репертуар и манеру держаться на сцене. Теперь он стоял практически неподвижно, подчеркивая содержание и эмоциональный настрой песни лишь выразительными движениями головы и мимикой, только изредка позволяя себе небольшой, но очень точный жест рукой. Его мастерство было действительно огромным – во всяком случае, и Зотов, и Игорь поняли абсолютно все содержание песни, хотя Игорь английского не знал совсем, а Вячеслав Олегович только читал хорошо, разговорной же практики у него не было, и на слух он английскую речь не воспринимал.

Вильданов не отрываясь просмотрел всю получасовую запись.

– Не, Слава, мне так в жизни не сделать, – огорченно протянул он, когда экран погас. – Может, ну ее, эту новую редакцию? Буду петь «Реквием» как раньше, тоже хорошо было. Скажешь, нет?

– Нет, – покачал головой Зотов, – было хорошо, но ведь это в прошлом. Нельзя ехать столько лет на одном репертуаре. Если ты хочешь его сохранить, нужно периодически менять редакцию. В двадцать пять лет ты не можешь петь так же, как в восемнадцать, а в тридцать ты должен петь не так, как пел в двадцать пять.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Даруй им, Господи, вечный покой.

Купить: https://tellnovel.com/aleksandra-marinina/rekviem

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити